
Серия АИРО-XXI
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СССР, РФ и СНГ**

осуществляется благодаря партнерству
с Департаментом по работе с территориальными палатами
Торгово-промышленной палаты РФ

Издание подготовлено при содействии
Торгово-промышленной палаты Владимирской области

**АИРО
XXI**

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
- Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
- Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М. В. Ломоносова
- Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
- Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
- Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме
- Харуки ВАДА Фонд японских историков
- Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
- Пол ГОБЛ Фонд Потомак
- Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
- Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
- Никита ДЕДКОВ МГУ им. М.В. Ломоносова
- Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет
- Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты
- Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
- Андрей МАКАРОВ АИРО-XXI
- Джон МОРИСОН Лидский университет
- Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусёку, Токио
- Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
- Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
- Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
- Борис СОКОЛОВ АИРО-XXI
- Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»
- Сергей ЩЕРБИНА АИРО-XXI

Геннадий Бордюгов

ОЖИДАЕМАЯ
революция не придет
НИКОГДА

Массовые протесты
конца 2011 – начала 2012 года
на фоне гражданского
противостояния XX века

Москва
2012

СЕРИЯ
«Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

Бордюгов Г.А.

Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»). – ISBN 978-5-91022-180-6.

Известный историк, обращаясь к самой животрепещущей теме нынешних дней, предлагает свое прочтение истории российских революций, беспощадно критикует её последствия и пытается понять тех, кто решил пойти на радикальные протестные действия. Форма памятки, избранная автором, адресуется всем – ревнителям революции, её протестантам, неистовым представителям научного сообщества и единомышленникам, способным размышлять о ключевой проблеме современности.

ISBN 978-5-91022-180-6

© Бордюгов Г.А., 2012
© Щербина С.П., подбор
иллюстраций, 2012
© АИРО-XXI, 2012

Содержание

Введение	9
Возвращение призрака революции	12
Как начинаются революции?	22
Чем удивили революции современников и как отразились в «попкорной» истории?	27
Можно ли управлять революцией?	43
Что разделяет политику и режим чрезвычайных мер и «чрезвычайщину»?	52
Есть ли выходы из «чрезвычайщины»?	73
О некоторых последствиях утопических расчетов	84
«Оранжевый» звонок для Кремля	90
Символическая фаза новой революции	102
Вождизм, режим личной власти или концепция команды?	112
Зачем запускается механизм ненависти?	122
Возможен ли институциональный выход из кризиса?	127
Чем руководствуются сторонники конфронтации?	134
Можно ли избежать революции-катастрофы?	140
Заключение	149
Примечания	153
Литература	166
Указатель имен	168

О проекте «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»

■ В обозримом будущем постсоветские государства не откажутся от исторической политики и политики памяти. Но историки вправе говорить об идеальной конструкции властных мер к прошлому, его сохранению и памяти о нём.

■ Наивно рассчитывать на равный диалог властью, однако историческая наука не может развиваться без автономии от политики и идеологии, от осознания прошлого как живого процесса, поскольку каждое поколение пишет свою историю. А попытки «присвоить прошлое», следовать принципу партийности приводят к бюрократизации и окостенению историознания.

■ Какими бы ни были механизмы исторической политики (включая, казалось бы, отжившие – цензуру, привилегированные институции, послушных историков и пр.), в среде профессиональных исследователей всегда будет существовать лишь видимость принятия оценок от политиков. Ведь создание собственной мифологии сопровождает практически любой режим власти. Поэтому «минные поля свободы» предпочтительнее ориентации на «тайное знание», равнения на политические абсолютизмы или позитивную идентичность, связанную в последнее время почему-то с империей, Романовыми и Сталиным.

■ Вместе с тем сообщество историков – не священная корова с презумпцией безгрешности. Все потуги власти политизировать историю оказывались бы изначально неконкурентоспособными, если бы на них не работали лакеи от исторической науки. Так было и будет всегда, а потому настоящий историк – подобно Плутарху, Тациту, Прокопию Кесарийскому и многим-многим их последователям – обречён не только на исследовательское одиночество, но и на умение находить общий язык с теми, которые вершат ту историю, о которой эти историки пишут. Во благо истине и самой истории. Наивно полагать, что в будущем здесь может что-то измениться.

■ Не политизация былого, а создание условий и среды для его глубокого изучения приближает к пониманию смыслов нашей уникальной и поучительной для всего мира истории. Этому способствуют также конкуренция различных точек зрения и научных школ, ограждающая от конъюнктуры и различных культов, отказ от конфронтационных образов стран и народов в зависимости от нефтяных котировок, преодоление этноцентризма, освоение пространства общеевропейской истории.

■ История – не политический рычаг, не средство завоевания электората на выборах и легитимации власти. Гораздо предпочтительней вместо разоблачения «происков» «фальсификаторов истории» прорабатывать «трудные вопросы» истории и формировать правовое отношение к преступлениям против человечности. Именно так возникает обмен знаниями между поколениями, создаются подлинные пространство памяти и исторический ландшафт страны.

Геннадий БОРДЮГОВ

Перемен требуют наши сердца...
Виктор Цой

Пусть впереди большие перемены,
я это никогда не полюблю.
Владимир Высоцкий

Введение

Название книги – это высказывание Шарля Луи Монтескье.

А если это так, то и правда, зачем революции вообще нужны, зачем их ждать, а тем более готовить? Ведь они не спрашивают, когда и какими им приходится? Они просто неизбежны и, увы, безразличны к заклинаниям о том, что их лимит исчерпан.

В России установка власти на позитивную идентичность с исключительно «счастливым прошлым» уже давно не предусматривает фактора революций, а тем более осмысления их последствий. Забыто предупреждение Франсуа Фюре, что постижение революции не исчерпывается лишь воспоминанием о ней, так как «она обращена не только в прошлое, но и в будущее» (1). Между тем в исторической политике и политике памяти преобладают уютное прошлое, официоз и борьба с фальсификаторами, остановившие проработку той истории, которая нанесла старшим поколениям незабываемые травмы.

Революции и войны как ничто другое влияли на судьбы людей, определяли повороты и характер движения любой страны. Однако в подходе к ним в России по-прежнему царят крайности – возвышение или унижение. А еще мифы, искажающие то, что реально происходило. И конечно, навязывание смыслов нашего «умного» настоящего якобы неполноценному прошлому. Самоуверенные политики и эксперты сегодня легко и просто аттестуют революции, утверждают, что стране ничего не угрожает, все под контролем. Да и вообще революции – хорошие в своих устремлениях, а если в них и есть что-то плохое, то оно привносится извне.

Так думали в России в 1917 году. Так часто думают и 95 лет спустя, игнорируя, что революция есть опаснейшая из болезней государственного и общечеловеческого целого. Как писал Сергей Аскольдов,

«это даже не болезнь, а некоторая стадия в процессе многих общественных болезней, именно та стадия, когда жизнь подавляется теми распадами и нарушениями физиологических отправления, которые уже грозят смертью» (2).

Да, безусловно, рано или поздно революционные процессы сменяются возрождением жизни, и тем не менее такими эпохами потом пугают или умоляют, чтобы они не повторились. Поэтому вряд ли возможно найти неоспоримый ответ на вопрос: «Какой должна быть *ожидаемая* революция?» Но можно предложить читателю скромную памятку о случившихся революциях. Эту форму я уже использовал в статье «Праздник угнетенных или социальная болезнь? Памятка ревнителям революции и “чрезвычайщины”» («Политический класс». 2005. № 1). Предлагаемая книга тоже сохраняет формат напоминаний, кратких сведений на определенный случай. Любопытно, что слово «памятка» в старые времена означало «совершение по обряду Церкви молитвы за упокой души»...

Благодарю за ценные советы и критику – Дмитрия Андреева и Алана Касаева, информационную поддержку – Елену Котеленец, визуальное соавторство – Сергея Щербину.

Возвращение призрака революции

На рубеже третьего тысячелетия действительно казалось, что споры о революциях окончательно ушли в академические кабинеты и университетские аудитории, что через какое-то время ученые смогут предложить обществу сбалансированный, основанный на сближении разных позиций взгляд на российские революции. Однако террористическая атака 11 сентября 2001 года, а затем «цветные революции» на постсоветском пространстве резко изменили ситуацию и – главное – четко обозначили серьезные проблемы в самой России.

Ослабив контроль за оправданным и необходимым процессом реприватизации начала 2000-х, власть невольно способствовала тому, что он оказался доходным бизнесом для отдельных представителей новой элиты, дискредитировавших тем самым президента и его команду. События в Тбилиси и Киеве создали у многих чиновников и предпринимателей, не причастных к такому бизнесу, впечатление неизбежности аналогичного развития событий и в России. Эмигрировавшие из России олигархи всячески подогревали подобные настроения, рассчитывая вернуть себе утраченные позиции в политике и бизнесе.

Командная безыдейность, фактическое возведение стабилизации в главный стратегический приоритет государственной политики, устойчиво высокие мировые цены на энергоносители создавали благоприятные условия для распространения – уже в новой элите – статусной ренты и теневого бизнеса на реприватизационных процессах. Все это самым негативным образом сказалось на имидже Кремля.

Сторонники «цветных революций», объединившие в своих рядах не только откровенных и до поры затаившихся противников Кремля, но и достаточно широкий круг недовольных результатами проводимых командой Путина преобразований, начинали все настойчивее и агрессивнее претендовать на власть. Конечно, ресурсные возможности оппозиции не шли ни в какое сравнение с потенциалом разгромленной в 2003 году олигархической фронды («дело Ходорковского»). Но пропагандистский эффект от предпринимавшихся ею демаршей – особенно в смысловом, идейном и мотивационном вакууме, отчетливо обозначившемся, когда вся общественная дискуссия оказалась сведенной к проблеме монетизации льгот, – оказывался многократно усиленным и производил серьезное впечатление. Наступил момент, когда Кремль более уже не мог тянуть с заявлением серьезного идеологического проекта, в котором отношение к революциям занимало бы не последнее место (3).

Для понимания природы революций XXI века (некоторые политологи поспешили назвать их управляемыми, эрзац-революциями) срочно потребовался глубокий исторический контекст, в том числе

27 февраля 1917 года. Худ. Б.М. Кустодиев

и переосмысление опыта российских революций. Снова возник вопрос о легитимности. Что нужно для взятия власти – воля восставшего народа или правовые решения, включая признание (или, напротив, непризнание) выборов? На поверхность в который раз всплыла проблема непереносимости условий возникновения революций. Традиционное ленинское – «низы» не хотят, а «верхи» не могут? Или все-таки – раскол политической элиты и завышенные ожидания людей? Немаловажной, как всегда, оказалась роль внешнего фактора. Но опять-таки, что важнее – сила примера (западного, российского) или финансовые и информационные интервенции?

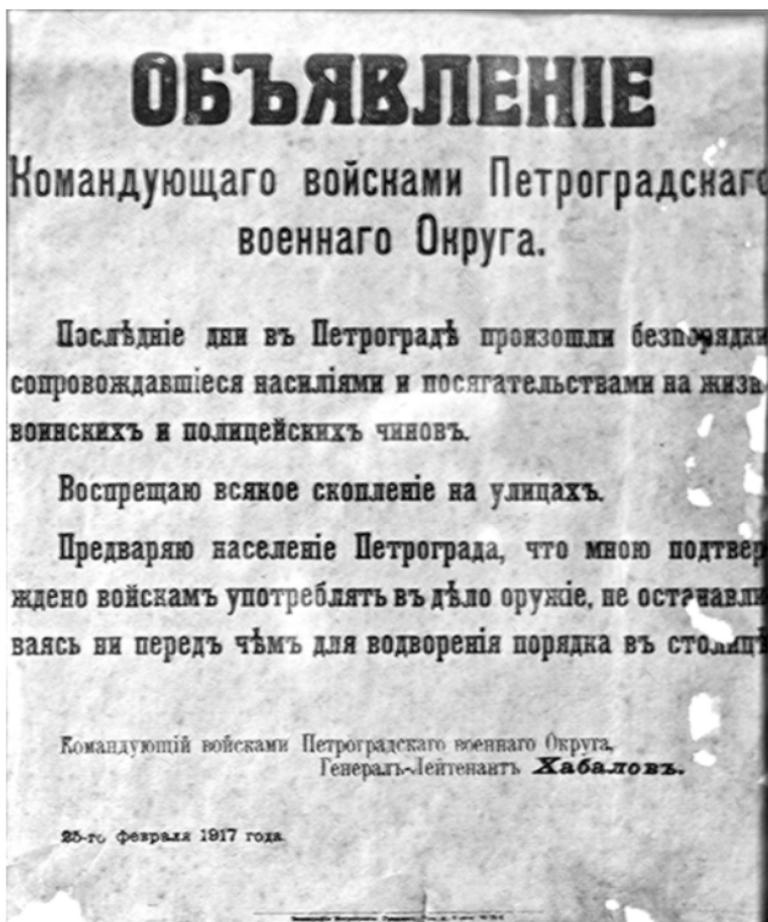
Темой революции накануне выборов в Пятую Государственную Думу (декабрь 2007 г.) воспользовались для разминки различные политические силы. На телевизионный «ринг» была, в частности, вызвана Февральская революция 1917-го. Но когда дело стало сводиться к банальностям вроде пересказа депутатами старых учебников, на роль тяжеловеса был призван Александр Солженицын с его «Размышлениями о Февральской революции». Однако получилось так, что комментарии Натальи Солженицыной для России и мира оказались более возбуждающими, чем сам текст писателя, созданный в 80-е годы прошлого века. Эта статья должна служить напоминанием политическим силам России об опасности, обусловленной значительным разрывом между богатыми и бедными, а также разительным контрастом в образе жизни и нравственных установках, которые преобладают в российской столице по сравнению с гораздо

менее процветающими регионами. Через свою жену писатель передал предупреждение: «Если правительство не будет уделять внимание провинции, последствия могут быть очень тяжелыми» (4).

В самом же тексте внимательный читатель мог обнаружить довольно распространенное мнение о том, что Февральская революция – результат случайности, рокового стечения обстоятельств, что ее сравнительно легко можно было бы упредить более внимательным отношением к делам земледелия. То, что царь и его правительство за почти три года войны ничего не смогли сделать, чтобы не возникли перебои с хлебом в Петрограде и других крупных городах, в расчет как бы и не бралось. Наверное, не стоит придавать роковую роль и тому, что в Ставку возвратился «больной и расслабленный» генерал Михаил Алексеев, сменивший «огневого» генерала Василия Гурко. На самом деле Алексеев и другие генералы осознавали, что подавить революцию уже невозможно.

Понятно, что большинство историков рассматривают Февральскую революцию 1917-го как стихийное, непредсказуемое явление, обусловленное, однако, предшествовавшими десятилетиями развития России. Но несмотря на неуместность аналогий с 1917 годом, обратили на себя внимание некоторые другие заявления. На одном круглом столе высокопоставленный чиновник заявил:

«Революция – это прежде всего разорение, истребление. Мы плачем о демографии, а сами тоскуем по потрясениям. Нужно навсегда изъять революцию

*из нашей политической практики... Не нужно же-
лать поражения или ослабления своей стране. Если
вам не нравится власть, вы можете с ней бороться,
но желать своей стране поражения и ослабления –*

это просто безнравственно. <...> В результате революционных действий этих романтиков к власти приходят обычно маньяки и террористы» (5).

Предотвратить революцию, однако, еще никому не удавалось. Никто и никогда не мог предсказать, когда именно в той или иной стране она начнется. Однако искусно сконструированные идеологические модели, не решающие реальные социально-экономические проблемы, а создающие иллюзию благополучия, не способны сдержать накопление усталости и раздражения, которые в какой-то момент могут спровоцировать активную часть людей на выступления. Вот почему каждая политическая сила предлагала свой проект памяти о революциях, а дата главной из них как-то маргинализировалась: 7 ноября стало будничным днем, передав свое пафосно-праздничное содержание главного государственного праздника Дню Победы, а выходной день – новоучрежденному 4 ноября (6). Однако последние события показали, что на этом история не завершилась.

Почему революции смешались в исторической памяти, почему дискуссия, к примеру, о 1905 годе связывалась с Февралем, который не оттеснял, а подразумевал и Октябрь 1917 года? Почему автоматически продолжают прокручиваться избитые темы – «заговор», «октябрьский переворот» во главе с «немецким агентом» Лениным, «англо-американским» шпионом Троцким? Почему это будоражит больше, чем занудные объяснения о кризисе, войне, «тюрьме народов», природе насилия?

Манифестация инвалидов в Петрограде 16 (29) апреля 1917 г.

Понятно, что никто из разумных людей не собирается выбрасывать феномен революций из истории России, даже если они перестали отмечаться властью официально. Некоторые страны прошли это. Те же французы в течение ста лет возлагали на свою Великую революцию любую ответственность за все, что случилось во Франции потом. И у нас за 95 лет образ революции возникал в самых причудливых комбинациях. Отсюда и грубое использование истории в политических целях.

В какую же сторону сегодня пошел маятник интерпретации революционных лет? На поверхности – банальные сюжеты в развернувшейся общественной дискуссии. Вина, как и прежде, возлагается на интеллигенцию, правда, теперь еще и за 1991 год. Но молодежь в «коммунистический рай» уже не загнать, и вообще, как считают некоторые деятели, ей не надо интересоваться «всею этой мутью – политикой». Из новых же акцентов бросилось в глаза, что революцию обозвали «проектом». Заново некоторые историки расставляют оценки главным героям. Ленин – просто «марксистский догматик», Сталин (не только в контексте Победы 1945-го, но и 1917-го) – «творческий» и «эффективный» менеджер (7). Важна не последовательность событий, а разделение революций на «хорошую» и «плохую», с демократической или диктаторской окраской. Уже Февраль, за которым видится Октябрь, вызывает такие катастрофические ассоциации, как «беспредел», «хаос», «голод», «разруха», «дурдом», «кошмар». Но рядом – «борьба за справедливость», «после этого бедным жить лучше стало».

Революция воспринимается современниками как «социальная болезнь» и как «праздник угнетенных», с «первородным грехом» и со «святыми идеалами». Именно так парадоксально революция разместилась в общественном сознании накануне второго десятилетия XXI века.

Как начинаются революции?

В принципе, это тривиальный вопрос. Но в поисках нетривиального ответа на него любопытно посмотреть на поведение «верхов» и «низов» накануне революций. Хрестоматийный пример – начало революции 1905 г.

Как известно, одним из важных принципов государственного устройства царской России был запрет на подачу петиций, жалоб. Тем не менее в 1904 г. земское движение стало склонять Николая II на путь реформ, предоставляя именно ему инициативу в их проведении. Однако он решил, что реформ «хотят только интеллигенты, а народ не хочет». Фиаско земцев попыталась компенсировать либеральная оппозиция, начавшая знаменитую «банкетную кампанию». Многолюдные застолья интеллигенции открыто выдвигали конституционные требования и оформляли резолюции в форме петиций, которые хотя и были запрещены законом, но постепенно стали привычными, легальными. Земство и интеллигенцию поддерживали также губернские предводители дворянства, потребовавшие участия выборных представителей в законодательстве.

12 декабря 1904 г. Николай II после долгих раздумий подписал указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Чтобы

Петиция рабочих Рабочихъ.
 Мы, рабочие в Н.В. наших отцах, отцов и
 братьев наших старших родителей, пришедших
 к нам, государь, и слава права и дилетанты
 Мы обещали, чтоб угнетаются, обречены
 ють неоплатимым трудомъ, кажда нашего
 надружается, въ насъ не признаютъ ни
 денъ, въ насъ отключаютъ, какъ въ рабочихъ,
 которые должны терпѣть свои горь
 кую трудъ и мученье! Мы и теперь
 мы, въ насъ толкаютъ все дѣла въ
 самую нищету, безпривѣя и невѣж
 ства. Нашъ души въ достоянствѣ и друг
 вой и мы задыхаемся. Наша семья
 сиротъ, государь. Наступилъ предѣлъ
 терпѣннѣ. Если насъ принесли въ
 эту минуту, когда мы
 въ жизни, то въ продолженіи каждаго
 дня наша жизнь. И вотъ мы, дру
 семье рабочимъ и заявляемъ нашему
 государю, что не можемъ жить
 такъ, пока они не исполнятъ
 нашихъ требованій. Мы хотимъ
 жить свободно. Мы хотимъ, чтобы
 нашъ трудъ былъ въ жизни, а каковы
 были бы мы, Первакъ наша жизнь
 была, чтобы наши хозяева видели
 съ нами обидные наши нужды,
 но и въ этомъ намъ никто не
 откликнулся. Въ правѣ говорить о на
 шихъ нуждахъ, каковы это такъ
 правѣ за нами не признавать законъ.

Петиция рабочих и жителей Санкт-Петербурга 9 января 1905 года

успокоить людей после ряда поражений в русско-японской войне, он пообещал устроить крестьянскую жизнь, расширить права земств и городских дум, устранить стеснения печати, сократить масштабы применения чрезвычайных мер в беспокойных районах Российской империи и др. Но в этом принципиальном документе не было ни слова о земле, политических свободах, конституции.

На этом фоне желание рабочих прийти с хоругвями к Зимнему дворцу и подать царю по непресеченному примеру либералов свою петицию воспринималось вполне привычно, как естественное право. Однако буквально накануне 9 января 1905 г. в окружении царя победило мнение о том, чтобы «проучить» народ и надолго отбить у него охоту жаловаться на бесправие и нужду. Абсолютно неадекватное, неожиданное решение о расстреле мирной демонстрации, отказ в назревших преобразованиях обернулся «кровавым воскресеньем», московскими баррикадами и броненосцем «Потемкин». После этого «верхи» перестали быть легитимными.

Как заводится психологический механизм противостояния власти «снизу», показывают и письма простых советских людей, которые поступали в центральные газеты незадолго до августовского путча 1991 г. Еще ничего неожиданного не произошло, а многие уже внутренне готовы к крайним экстремистским действиям.

*«Уважаемый Борис Николаевич (Ельцин. – Г.Б.)
и Михаил Сергеевич (Горбачев. – Г.Б.). Обращаюсь*

к вам, ради бога, объясните мне настоящую жизнь. Вы мне сделали пенсию 100 руб., дали 65 руб. компенсацию. Но ее мне только хватает еле-еле отоварить талоны. Отработала я на государство 32 года, а вот воровать не научилась... Вы не боитесь, что из нас вы сейчас куετε потенциальных убийц? Ведь я нездоровый человек, но я ведь буду здоровых призывать, чтобы брались за оружие! И не думайте, что вас уберегут ваши охраны».

«Я – бывший офицер КГБ, а сейчас по-народному – “теневик”, мафиози и т. д. <...> Теперь о главном. Грядет хаос и хорошая встряска нашему государству с применением оружия. Народ темен. Его необходимо спаивать и держать в темноте, иначе так тряхнет, что всем континентам достанется».

«Дело в том, что я с удовольствием приняла бы участие в антиправительственном восстании. А что? Мне 19 лет, из них самые “лучшие” – 6 лет перестройки. Ну и что я видела?! В семье старшая, так ладно – перебивалась и перебыюсь без супермодных шмоток (хотя хочется!), а сестер жалко. <...> Мне совершенно все равно, что у нас будет – социализм, капитализм, республика, монархия, тоталитарное государство, но пусть будет возможность нам учиться, одеваться и есть. Поэтому я помещаю объявление: всем, кому не хватает бойцов на баррикадах, обращаться по адресу. <...> Обещаю не бросать баррикаду, даже если пустят танки» (8).

Взятые из разного времени примеры тем не менее прекрасно вписываются в схему политического лидера и ученого Павла Миллюкова, близкую взглядам его оппонента Владимира Ленина. Революция становится неизбежной,

«когда масса ощущает настоятельную потребность в крупной политической или социальной реформе;

когда власть противится мирному разрешению этой назревшей потребности;

когда власть теряет способность принудительно действовать;

когда массы не только перестают бояться власти, но начинают даже презирать ее и откровенно смеяться над нею» (9).

Со временем этот перечень добавлялся и уточнялся (10).

Чем удивили революции современников и как отразились в «послушной» истории?

Все русские революции подтвердили слова Наполеона о том, что «революцию нельзя ни начать, ни остановить». Не стало удивительным и то, что искусственно отделить политическую революцию от революции социальной невозможно. Но идеологические конструкции тонули в метафорах, выражавших эмоциональное восприятие современниками революционных событий: «потоп», «буря», «вихрь», «ураган», «взрыв», «экстаз». «Очищение» и «обновление» – вот что виделось за этим катаклизмом. Даже такой противник насилия, как Лев Толстой, ждал революцию, сравнивал ее с рождением новой жизни и признавал, что она делает немало полезной работы и «пропасть добра».

Преодоление былого редуccionизма позволило увидеть иные стороны непредсказуемых событий. К примеру, летом 1905 г. монархически настроенные портовые рабочие Нижнего Новгорода разогнали революционную демонстрацию под красными флагами. В Москве во время выноса царских портретов люди пинками заставляли революционно настроенную молодежь снимать шапки. Особенную силу

движение против революции приобрело после манифеста 17 октября. По России прокатилась волна народного возмущения. В большинстве городов проходили народные митинги в защиту царя и самодержавия. В Архангельске несколько тысяч рабочих с царскими портретами и иконами, с пением гимна прошли по городу. Произошло их столкновение с революционной демонстрацией (11). Так было в Ярославле, Саратове, Казани. Николай II писал матери:

«В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли головы, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла. <...> Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти расщепившая толпа, когда она окружала дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил. Я получаю много телеграмм отовсюду очень трогательного свойства с благодарностью за дарование свободы, но с явным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше – добрые люди?» (12).

Когда в декабре 1905 г. возник Союз русского народа, Николай II первым надел на себя значок этой организации, на котором под восьмиконечным православным крестом имелась надпись: «За Веру, Царя и Отечество». Император обратился к народу с воззванием, которое, пожалуй, не имеет аналогов в истории:

Как видно из приложения
заявления о приеме в члены Крестного движения самостоятельно
въ союзъ русского народа и и и. 25. 1907 г.
Вотъ это заявление:

Въ Союзъ Русскаго Народа

Заявленіе.

Желая вступить въ члены Союза Русскаго Народа, стремящагося къ содѣйствію (всѣми законными средствами) правильному развитію началъ Русской Церковности, Русской Государственности и Русскаго Народнаго хозяйства, на основахъ Православія, неограниченнаго Самодержавія и Русской Народности, прошу какъ единомышленника зачислить и меня:

Имя Иоаннъ

Отчество Сергій

Фамилія Сергеевъ

Званіе Протоіерей Крестнаго Движенія Свято-Федревскаго собора

Какой губерніи Архангельска

Родъ занятій Продовольственный

Личная подпись Иоаннъ Сергій

Адресъ: г. Крестнаго Движенія, Свято-Федревскій судъ

Участокъ 2^й (рукою самого Дуровича написанъ)

Подпись лица рекомендовавшаго) не требуется

августъ 19

дня 1907 г.

Заявление протоиерея Иоанна Крестштадтского (Сергиева) о приеме в члены Союза русского народа

«Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью Мне и русскому народу удастся победить врагов России. Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я дам отчет перед Богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к Союзу Русского Народа. НИКОЛАЙ. 23 декабря 1905 года» (13).

Безусловно, надо отличать выступления против революции от самосудов, погромов – часто на этнической основе. Поначалу мимолетно воспринимались выходы черносотенцев, появление множества авантюристов – людей без прошлого, с вымышленными биографиями. Но чем дальше, тем больше давали о себе знать «грязная пена» революции и аморальные поступки ее участников. Погромы со стороны «патриотов» прокатились по сотне городов 36 губерний России. В настоящей осаде погромщиков оказались университеты и гимназии (14).

В 1917 г. все это повторилось снова. В февралемарте очевидцы видели и трупы жандармов со вспоротыми животами в Петрограде, и дикую охоту на офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе, и самосуды в Луге и Ельце, и многие другие жестокости. Федор Степун, будущий философ и социолог, офицер, близкий к эсерам, ожидавший увидеть восставшую столицу величественной и наполненной революционной романтики, не скрывал своего разочарования:

Революционные солдаты. Февраль 1917 года

«Петроград по внешнему виду и внутреннему настроению являл собой законченную картину разнузданности, скуки и пошлости, не приливом исторического бытия дышал его непривычный облик, а явным отливом. Бесконечные красные флаги не веяли в воздухе стягами и знаменами революции, а пыльными красными тряпками уныло повисали вдоль скучных серых стен. Толпа серых солдат, явно чуждых величю свершившегося дела, в распоясанных гимнастерках и шинелях в накидку, праздно шаталась по грандиозным площадям и широким улицам города. Изредка куда-то с грохотом проносились тупорылые броневики и набитые солдатами и рабочими грузовики: ружья наперевес, трепанные вихры, шальные, злые глаза. <...> Нет, это не услышанная

мною на фронте великая тема революции, не всенародный порыв к оправданию добра свободного, а ее гнусная контртема. <...> Это хмельная радость о том, что “наша взяла”, что гуляем и никому ни в чем ответа не даем» (15).

«Родник живого народного творчества» нередко рождал такое, что отнюдь не соответствовало первоначальным ожиданиям революционеров. «Стихийный» социализм угнетенных содержал в себе не только созидательные, но и деструктивные начала. Те, которые столкнулся с ними, готовы были подписаться под словами Питирима Сорокина о том, что в революции в человеке «просыпаются не только зверь, но и дурак» (16). Сосредоточившись на причинах, порождающих революционные отклонения в поведении людей, социолог искал причины этого «отклонения» в области основных, базовых потребностей и инстинктов человека:

«<...> Постановка грандиозной драмы, комедии или трагедии революции на исторических подмостках предопределена первым долгом репрессированными врожденными рефлексам» (17).

Революция кардинально преобразует типичное человеческое поведение – условно принятые «одежки» цивилизованного поведения мгновенно срываются, и на смену социуму на волю выпускается «бестия».

Сорокин прослеживает и документирует подобные изменения: «подавление собственнического ин-

стинкта масс», «подавление полового рефлекса», «подавление импульса к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта», «извращение религиозных, моральных, эстетических и других приобретенных форм поведения» и др. Все это «приводит к дисфункции условных инстинктов, нарушает послушание, дисциплину, порядок и прочие цивилизованные формы поведения и обращает людей в беснующиеся орды сумасшедших» (18).

В русской революции поразили не только неожиданные стратегии поведения людей, но и быстрая девальвация идеи демократии, причем со стороны как «верхов», так и «низов». И для этого были причины. К примеру, в 1917–1918 гг. «учредилевская» форма демократии, опиравшаяся на думские традиции и тяготевшая к европейским образцам, и советская, еще не опробованная в истории, не найдя способов соглашения и компромисса, сначала оказались в кризисе, а затем встали на путь использования, казалось бы, отживших систем. Советская демократия подчинила свои принципы однопартийной, обраставшей наслоениями милитаризма системе, а «учредилевская» стала сотрудничать, а потом подчинилась «белым» генералам с их реставраторскими устремлениями. В результате выбор страна совершала не между той или иной формой демократии, а между диктатурами «красной» и «белой».

Русские революции XX века не избежали участи Великой французской революции: одни их ждут и прославляют как историческую веху в освобождении

КЪ ВОЙСКАМЪ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

Войска советской власти. Партбюро Татарстана
 Многие, из находящихся в советских войсках, пошлютуда по недоразумѣнію, многие потому что было нечего вѣсть, многих насильно заставили сражаться против насъ, против Учредительнаго Собранія.

Теперь послѣ восьми мѣсяцевъ советскаго хозяйничанья весь народъ увидѣлъ, что советская власть есть власть разбойничья, что эта власть предала Россію германцамъ и заставила русскихъ людей сражаться другъ противъ друга, лить братскую кровь.

Народъ понялъ это и весь перешелъ на сторону Учредительнаго Собранія.

Посмотрите, что дѣлается сейчасъ въ Казани. Всѣ рабочіе, всѣ крестьяне, всѣ студенты, вси интеллигенціи, все офицерство, все самоуправленіе, всѣ социалистическія партіи, мусульманское и православное населеніе словомъ весь народъ возсталъ противъ советской власти. Казань сформировала въ три дня жюгичесвенную артиллерию. Въ добровольческіе полки идетъ безъ конца народъ. Лошадей для арміи въ ОДНУ НОЧЬ безъ всякаго принаса привели до тысячи. Несутъ деньги, вещи, еду. Женщины убѣждаютъ мужчинъ брать въ руки оружіе.

Всюду радость, что советская власть прогнана и весь народъ вооружается противъ советской власти.

Ваши пролетарные комиссары съ Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ ведутъ васъ противъ ВСЕГО НАРОДА, противъ вашихъ же братьевъ. Они цѣлуются заходящую изъ ихъ рукъ власть и ради сохраненія этой власти за собой они ведутъ Васъ противъ вашихъ же братьевъ и губятъ васъ. Перестаньте повиноваться этимъ разбойникамъ, Ихъ, а изъ за нихъ и васъ проклинаетъ весь русскій народъ. Раскайтесь и переходите на сторону Учредительнаго Собранія, Ваши комиссары запугиваютъ васъ—они, говорятъ вамъ, что мы васъ все равно расстрѣляемъ.

Это наглая ложь.

Мы уничтожаемъ только тѣхъ, кто выступаетъ противъ насъ, а кто переходитъ къ намъ, того мы встрѣчаемъ какъ друзей.

Комиссаровъ же мы расстрѣливаемъ безъ пощады и васъ призываемъ къ тому же. Бейте вашихъ комиссаровъ, уничтожайте ихъ и переходите на сторону Учредительнаго Собранія и тогда кончится эта страшная бойня.

Если же Вы будете продолжать бороться противъ Учредительнаго Собранія, то пощады Вамъ не будетъ и память Ваша будетъ проклята всѣмъ русскимъ народомъ навсегда.

Чрезвычайный Уполномоченный Комитета Всероссийскаго Учредительнаго Собранія, Товарищъ Управляющаго Военнымъ Відомствомъ.

Казань, 13 августа
1918 года.

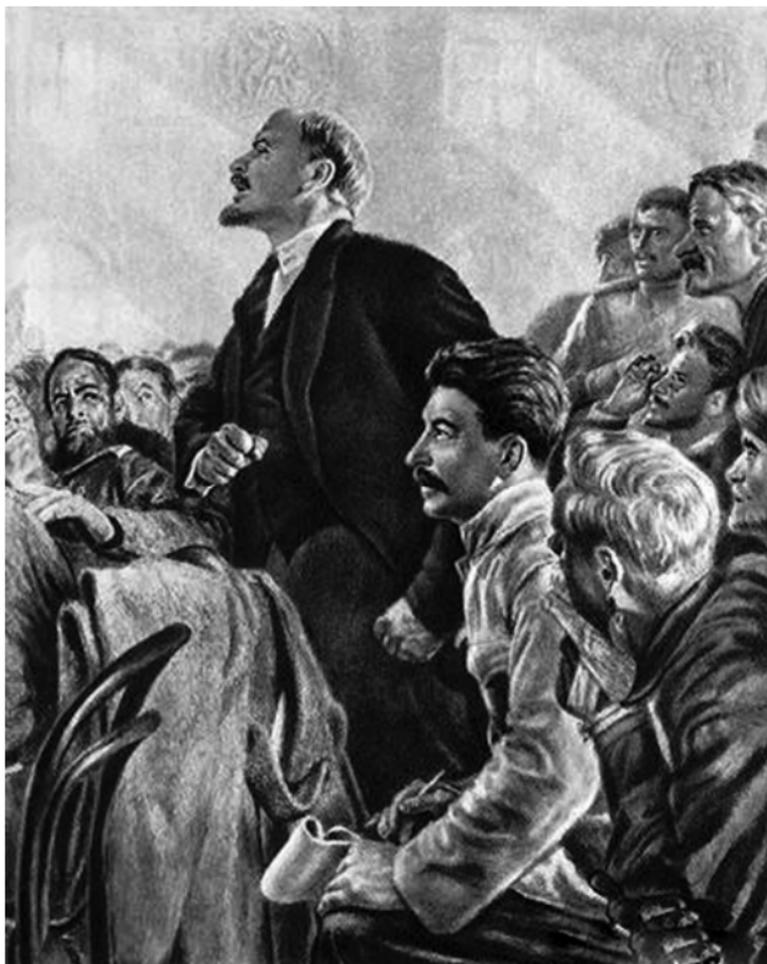
Вл. Лебедевъ. 326

Обращение Комитета Учредительнаго собрания (Комуча) к красноармейцам, 13 августа 1918 года

человечества от гнета, другие проклинаят как преступление и катастрофу, для одних революционеры – святые, для других – чудовища. Правда, для советских людей долгое время классическим образцом представления о революциях являлся сталинский «Краткий курс» истории ВКП(б). В нем было все предельно ясно: событиям приписывалась обязательная направленность, соседство во времени принималось за причинно-следственную связь. Авторов не останавливало предупреждение Фридриха Энгельса: люди, которые хвастались, что это они совершили революцию, на следующий день всегда убеждались, что не имели ни малейшего представления о том, что они делали и что совершенная ими революция ни в малейшей степени не соответствует той, которую они хотели совершить (19).

«Краткий курс» создал «священную историю» – со своими канунами в виде «революционных событий 1905 года» (предваряющих «главное» свершение), своими предтечами («революционные демократы» XIX века), своими демиургами и пророками, подвижниками и мучениками, своими ритуалами и обрядами. Октябрьская революция представляла, в соответствии с универсальной схемой космогонии, как долгожданный акт творения нового мира, а ее дальнейшая поступь связывалась с борьбой за чистоту с демонами, внутренними и внешними («продолжение классовой борьбы»).

В годы перестройки началась реабилитация идеалов Октября, кумирами стали Бухарин, Рыков, Троцкий, аппаратная идеология разьедалась романтическим

«Есть такая партия!». Худ. Евгений Кибрик. 1948 г.

Суверенитет. Худ. М.Н. Федоров, 1991 г.

большевизмом. И демократическая оппозиция утверждала себя под ленинскими лозунгами «Власть Советов», «Самоопределение народов вплоть до отделения». Борис Ельцин эксплуатировал уравнилельные настроения, развернул борьбу с привилегиями, номенклатурой. Однако бум Октября сменился его разоблачением. Основной удар обрушился именно на миф о «непорочности» революции. От восторга низвержения уже не могли отвлечь доставшиеся в наследство от 60-х дискуссии о «двух вождях» в революции (Ленине и Сталине), особой роли Троцкого в Октябрьском вооруженном восстании и т. д. Акцент на закономерности революций как «локомотивов истории» сменился теориями «первородного греха», заговора, решающей роли мировой закулисы, включая историю с «немецкими деньгами». Единый революционный процесс разделили. Хотя Николай Бердяев предупреждал:

«<...> Нет ничего более жалкого и смешного, как до сих пор поддерживаемый “левой” интеллигенцией миф о святости февральской революции в отличие от мерзости революции октябрьской. В действительности есть одна революция в разных ее стадиях, и революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном проявлении» (20).

Разделили и революционеров на «людей гражданского склада» и на «людей в сапогах», на «чистых» и «нечистых». Ленинскую формулу «революция – праздник для всех угнетенных» практически

«Нет – гражданской конфронтации!». Худ. А.П. Уткин, 1990 г.

заменяли новым афоризмом «революция – праздник люмпенов, воров и убийц».

Эти неожиданные метаморфозы в политической жизни удивили прежде всего потому, что почвенники-государственники, разоблачавшие до этого коммунизм, вдруг стали защищать Октябрь, советскую историю, советское государство, Ленина и Сталина, а главное – сомкнулись с консервативной частью тогдашней политической элиты. Антипочвенники-шестидесятники, радикальная интеллигенция в этой новой ситуации направили антикоммунизм против вообще государства, государственности, «советской империи» и СССР. Победа над коммунизмом обернулась новой смутой.

После революции 1905–1907 гг. Павел Милюков резко выступил против авторов знаменитых «Вех». Почему? Он не хотел, чтобы противопоставлялись стихийный патриотизм народа, якобы живущего «чувством исторической связи», космополитизму российской революционной интеллигенции. Милюков не отрицал того, что космополитизм интеллигенции является «космополитизмом пустоты», признаком «отсутствия здорового национального чувства». Он обратил внимание на то, что русский народ также не укоренен в своей истории, в своих традициях, как и его интеллигенция. Враждебность к национальному государству – исходный мотив деятельности радикальной интеллигенции. Она, по Петру Струве, отчуждена от государства, враждебна к нему, она никогда не боролась за преобразование и изменение

«В единстве – сила». Худ. А.В. Лозенко, 1988 г.

существующего государства, предпочитая строительство абсолютно нового государства. Этому следовали большевики в 1917-м, используя ненависть к дворянству и буржуазии, этому следовали новые российские демократы в 1991–1993 гг., используя нелюбовь народа к бюрократам и номенклатуре.

Можно ли управлять революцией?

Революцию иногда сравнивают с полостной хирургической операцией, платой за отказ от профилактического рутинного лечения. В то же время иногда радикальное вмешательство может стать единственной гарантией выздоровления.

XX век продемонстрировал два варианта развития революционных событий: либо существующий режим власти без какого-либо промедления перехватывает инициативу у революционеров и как можно скорее гасит пламя народного возмущения, либо революционеры сами реализуют свои лозунги до конца. Революция 1905 г. заставила правительство отбросить бесконечные колебания и сомнения и перейти от слов к делу. При этом был избран более радикальный и масштабный проект преобразований. Два крупнейших российских реформатора Сергей Витте и Петр Столыпин, возглавлявшие Совет министров в период революции, одновременно усмиряли разбушевавшуюся народную стихию и разрабатывали реформаторские указы. Словом, следовали классическому правилу: если все силы подчинить борьбе с революцией, то устранишь ее последствия, а если, опираясь на силу, возглавишь процесс коренных изменений, то устранишь ее причину.

Дача Столыпина после взрыва 12 августа 1906 года

В 1905–1907 гг. были провозглашены неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, союзов, начала осуществляться аграрная реформа, были отменены выкупные платежи для крестьян, сократились сроки военной службы, введена университетская автономия, отменены наказания за участие в экономических стачках. Одновременно использовались карательные экспедиции и военно-полевые суды для подавления массовых выступлений, часть территорий была переведена на положение чрезвычайной и усиленной охраны. Оправдывая чрезвычайные меры, Столыпин заявлял:

«Где с бомбами врываются казначейства и поезда, где под флагом социальной революции грабят мирных жителей, там, конечно, правительство силой удерживает и удержит порядок, не обращая внимание на крики о реакции» (21).

Вот почему революция 1905–1907 гг. действительно способна дать ключ для «перевода понятия революции с разных идеологических языков на строгий язык науки», для опровержения понимания революции как некоего общественного краха, обрушения, кровавого побоища. Во время октябрьской стачки 1905 года, которая заставила самодержавие протрубить отступление 17 октября, «кровь рекой не лилась, но революция была налицо» (22).

После Февральской революции 1917 г. наряду с демократическими преобразованиями Временное правительство также стало закладывать институциональную основу насильственных мер. Для урегулирования летних кризисов 1917 г. стали использоваться, к примеру, вооруженные продотряды для изъятия хлеба в деревнях. В свою очередь, Временное правительство имело перед собой яркие образцы реквизиций продовольствия по твердым ценам в 1914 г., хлебную разверстку, введенную в ноябре 1916 г. по инициативе царского министра земледелия Александра Риттиха, «солдатские команды» для принудительных сельхозработ и др.

Большевистская фаза революции обернулась иным сценарием, связанным с недоразумением между революцией и утопией. Революция, по мнению Моны

№ _____ МОСКВА, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГОРНОСЛАВЯНСКИЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАРТОЧКА на ХЛЕБЪ или МУКУ на ОДНО лицо за август 1917 года. Надпись на карточке: Фамилия, имя и отчество <i>Васильев Иван Иванович</i> Адрес: <i>Калужская ул.</i> 1) Передача карточки воспрещается. 2) Купоны карточек дают преимущественно право на приобретение указанного хлеба или муки. 3) Без предъявления карточки купоны не действительны. 4) Купоны действительны лишь на то число и лица, которое на них обозначено.	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ
	1	1	1	1	1	1
	26 авг.	21 авг.	16 авг.	11 авг.	6 авг.	1
	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ
	1	1	1	1	1	1
	27 авг.	22 авг.	17 авг.	12 авг.	7 авг.	2 авг.
	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ
	1	1	1	1	1	1
	28 авг.	23 авг.	18 авг.	13 авг.	8 авг.	3 авг.
	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ
	1	1	1	1	1	1
	29 авг.	24 авг.	19 авг.	14 авг.	9 авг.	4 авг.
ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	
1	1	1	1	1	1	
31 авг.	30 авг.	25 авг.	20 авг.	15 авг.	10 авг.	
ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	ХЛЕБЪ	
1	1	1	1	1	1	

Хлебная карточка Временного правительства. Август 1917 г.

Озуф, мыслит себя как дитя утопии, причем дитя кроткое: «переход от вымысла к реальности, от со- слагательного наклонения к изъявительному совер- шается мирно, без разрушительных бунтов и возму- щений». Однако стоит старому порядку исчезнуть, а новому устройству – стать обростать плотью и обре- тать ясные очертания, как революция начинает про- являть себя, хотя она даже «не подозревала о дре- мавшей в ней способности направлять ход событий таким образом, что последствия их становятся абсо- лютно иррациональными» (23).

Ленин и его единомышленники, взяв власть и ори- ентируясь на долгожданную мировую революцию,

Памятная медаль Эстляндской трудовой коммуны

с октября 1917 г. до марта 1918 г. не торопились обозначить формы новой советской государственности и формы порядка. Это обернулось не просто «безвластием», а огромной стихией, которая была совершенно анархической по своим настроениям и взглядам. Образовался конгломерат самоуправлявшихся, «самостийных» территорий и хозяйственных единиц, возникла масса различных сепаратистских образований («трудовые коммуны», федерации «трудовых коммун» и др. со своими совнаркомками), каждое из которых считало себя вправе заявить: мы власть на местах, мы приемлем декреты центральной власти постольку, поскольку они для нас приемлемы. Тот же лозунг об экспроприации экспроприаторов, поначалу объединявший всех трудящихся (отнятое «сосчитай и врозь его тянуть не давай»), мелкий собственник – «некий маленький чумазый, число ему мил-

лион» – понял именно как «грабь награбленное». А в итоге – как призыв к тому, чтобы растащить национальное достояние по своим избам, чердакам и подвалам (24).

Все это можно было упредить, если бы революция 1905–1907 гг. была доведена до конца, если бы Россию не постигли «годы реакции», когда, по Александру Блоку, «под игом грязи и мерзости запустения, под бременем сумасшедшей скуки и бессмысленного безделья люди как-то рассеялись, замолчали и ушли в себя: точно сидели под колпаками, из которых постепенно выкачивался воздух» (25). Февральская революция могла бы также упредить гражданские столкновения ноября–декабря 1917 г., повторившие декабрь 1905 г. И тогда Николаю Бердяеву не пришлось бы восхищаться «нечеловеческими усилиями» Ленина, который из крайне невыгодной позиции, спустя пять месяцев после захвата власти, начал наверстывать упущенное. А попросту – призывать к элементарным вещам, труду и дисциплине, ответственности, положительному строительству, разоблачать революционное фразерство, анархические наклонности и даже совершать «настоящие заклинания над бездной» (26).

Да, действительно, через пять месяцев, весной 1918 г., была открыта безжалостная истина: выход из кризиса невозможен до тех пор, пока каждая губерния представляет «самостоятельную республику», пока царят индивидуальный и групповой эгоизм в виде мешочничества, пока на рынке царит анархия. Только сильная центральная власть была в состоянии

В соответствии с постановлением Кубанского областного ЦИК от 21 апреля 1918 г., Екатеринодарское отделение Государственного Банка приступило к выпуску разменных бон достоинством в 10 рублей. Лица, отказывающие в приеме бон, подлежали суду народного трибунала, как неподчиняющиеся советской власти.

обеспечить восстановление разорванных экономических связей, наладить контакт с деревней, нормализовать финансовую систему, навести порядок и дисциплину. В своей практической деятельности большевики начали прибегать (поначалу лишь на ограниченном пятачке наиболее критических участков работы – транспорт, продовольствие) к чрезвычайным методам, которые продолжали авторитарные тенденции военного периода. Однако с мая–июня 1918 г. – периода, связанного с угрозой реставрации и контрреволюционного подъема, – большевики

ОТ

Моржовки — обиходное название чеков Архангельского отделения Государственного банка, используемых в качестве платежного средства в 1918–1920 гг. на территории Северной области. Выпускались по инициативе Временного Правительства Северной Области (ВПСО). Архангельские чеки были привязаны к английскому фунту по курсу 40 рублей = 1 фунт. На купюре 25-рублевого достоинства, оформленной известным русским художником С. Чехониным, были изображены различные северные атрибуты — снег, торосы, белый медведь и морж.

крыто стали на путь защиты советской «крепости» всеми доступными способами.

Понятно, что постепенному втягиванию в чрезвычайную политику, причем не только революционеров, но и их противников, предшествует длительная цепочка событий. Вопрос о том, кто начал первым,

как правило, тупиковый. Важно установить логику эскалации насилия, потому что только такое знание в состоянии хоть как-то предостеречь политиков в их конкретных решениях и действиях. Можно принять тезис «любое насилие – зло». Но все дело в том, что дошедшая до стадии гражданской войны, в том числе в продовольственном вопросе, социальная конфронтация раскалывает общество. Врагов и противников, сытых и богатых вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как «нелюдей», на которых не распространяются общечеловеческие нормы. Любые заявления о безнравственности насилия никого уже не останавливают (27).

Что разделяет политику и режим чрезвычайных мер и «чрезвычайщину»?

Прежде всего, обращение к массовому террору как форме управления, как способу уничтожения противников, морального запугивания и подавления всякого сопротивления. Этот процесс, как показывает опыт всех революций, обязательно облекается в соответствующую идеологическую оболочку («опасность контрреволюции», «обострение классовой борьбы», а позже – «угроза демократии» и т. п.). Стержнем такой оболочки становится объявление части населения «врагами народа» (двурушниками, предателями, шпионами, саботажниками, вредителями, подозрительными, а позже – красно-коричневыми, коммуно-фашистами). То есть не «своими», а «чужими», по отношению к которым допустимы любые средства подавления. «Чрезвычайщина» – это и подмятие регулярных органов управления чрезвычайными, упрощенное правосудие, внесудебный порядок рассмотрения дел. Это люмпенизация политических действий с опорой на соответствующие слои населения и руководителей особого типа.

Говоря о большевиках, стоит вспомнить их идею «твердой власти», воплощенную в разветвленной

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.

Советъ Народныхъ Комиссаровъ, заслушавъ докладъ председателя Чрезвычайной Комиссии по борьбѣ съ контръ-революціей о дѣятельности этой Комиссии, находить, что при данной ситуациіи обезпеченіе тыла путемъ террора является прямой необходимостью;

что для усиленія дѣятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и внесенія въ нее большей плановитости необходимо направить туда возможно большее число ответственныхъ партійныхъ товарищей;

что необходимо обезпечить Совѣтскую Республику отъ классовыхъ враговъ путемъ изолированія ихъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ.

Подлежать расстрѣлу всѣ лица, прикосновенныя къ бѣлогвардейскимъ организаціямъ, заговорамъ и мятежамъ;

что необходимо опубликовать имена всѣхъ расстрѣланныхъ, а также основанія примененія къ нимъ этой мѣры.

Народный Комиссаръ Юстиціи *Курект*

Народный Комиссаръ Внутреннихъ Дѣлъ *Петровский*

Управляющій Дѣлами Совета Народныхъ Комиссаровъ

Секретарь Сов. Нар. Ком. *А. Орловъ*

Москва, Кремль.

5 сентября 1918 года.

системе чрезвычайных органов, наделявшихся диктаторскими полномочиями, а также сводящуюся к приданию ряду регулярных органов советской власти чрезвычайных функций. Сначала аппараты чрезвычайных органов были малочисленны, а сама их деятельность оговаривалась соблюдением таких условий, как расширение контроля снизу, временность, локальность, наконец, замыканием непосредственно на Ленине, который не собирался «облачатся в мантию» диктатора. Однако созданная 7 декабря 1917 года ВЧК следовала другим представлениям, что и выразил Феликс Дзержинский:

«Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. <...> Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции» (28).

Тем не менее только через три месяца ВЧК разрешено было создавать местные ЧК в губернских и уездных центрах, им давалось право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громиллами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами» (29).

Безусловно, ничего необычного в создании чрезвычайных органов не было, но при условии, что их деятельность подконтрольна и чрезвычайные меры компенсируют сиюминутные слабости регулярных органов. При ориентации на единоличное управление особые органы управления занимают иное место в структуре власти. Когда в мае 1918-го большевистское

руководство оказалось в тупике собственной экономической политики, а военный нажим подошел к опасной отметке, во имя спасения власти произошел переход за границы вынужденных чрезвычайных мер. Власть ввергла себя и общество в состояние «чрезвычайщины», полагая, что именно крайностью можно разрешить возникшие противоречия. Большевики открыто и жестко заявили о своих намерениях декретами о продовольственной диктатуре, изгнанием из ВЦИК меньшевиков и правых эсеров, а затем и левых эсеров.

Чем это обернулось? Разложением рабочих продовольственных отрядов, которые пришлось возвращать из деревень для «отчета и лечения». Созданные комитеты бедноты помогли большевикам обеспечить полуголодное существование промышленных центров, но раскололи деревню, вызвали озлобление крестьян. Уполномоченные «комиссары», как отмечалось в многочисленных сводках, приезжая на места и избавившись от строгого взгляда партийных комитетов, «считают своим священным долгом сперва напиться пьяными, а потом следуют остальные прелести, как-то: насильование женщин, стрельба и пр. Подобного рода преступления, взяточничество, незаконные реквизиции всего того, что понравилось, процветают в уездах во всю, и те репрессии, которые применяются, не помогают. Устраняя такой примазавшийся элемент, на их место ставится почти такой же, ибо людей неоткуда взять, все лучшее выкачано на фронт» (30).

Ответ на белый террор.

— —

**Телько цветочки—ягодки
вперед.**

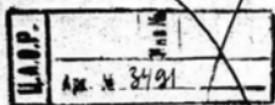
В ночь с 11-го на 12 сентября Чрезвычайной Комиссией расстреляны гр. гр. Григорович (доктор), Полонский и Борис Бялыницкий Видуля: обвиняемые в контр - революционной деятельности и антисоветской агитации в деревнях. Это ответ красного Витебска на убийство т. т. Володарского и Урицкого и на покушение на Великого учителя — т. Ленина.

На митинге в Бутырском районе Москвы после покушения на Ленина 30 августа 1918 года Николай Осинский заявил: «Все зарегистрированные и взятые под гласный надзор буржуа должны быть распределены на три группы. Активных и опасных истребим. Других под замок. Третьих – употребим на черные работы, а неспособных к работе – заключим в лагерь» (31). Постепенно террор приобрел неконтролируемый характер. Комитеты бедноты, продовольственные и заградительные отряды, революционные трибуналы становились практически неуправляемыми. ВЧК из одной из комиссий Совнаркома довольно быстро превратилась в целый наркомат, «страшный беспощадностью своей репрессии и полной неприкосновенностью для чьего бы то ни было взгляда того, что творилось в ее недрах» (32).

ВЧК довольно быстро создала новые разветвления во всех губернских и уездных центрах, присвоив себе право безапелляционно решать вопросы жизни и смерти. Причем решения выносились «тройками» или «пятерками» чрезвычайных комиссий без каких бы то ни было норм, определявших как подсудность, так и методы рассмотрения дел. В ряде мест сотрудники ЧК осуществляли контроль даже за работой судебных органов, подчиняя себе местные комитеты правящей партии. Всевластие чекистов дошло до того, что партийные конференции были вынуждены принимать решения о неприкосновенности личности членов правящей партии. Причиной была боязнь стать жертвами ЧК.

34c15/6146/

К. 78.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНЫЙ

ТЕРРОР

еженедельник Чрезвычайной Комиссии по
борьбе с контр-революцией на Чехо-
Словацком фронте.

№ 1.

1 ноября 1918 г.

КАЗАНЬ.

По-своему осмысливались противоречия неожиданно сложившейся системы власти в различных слоях населения. В письмах к Ленину люди прямо и резко спрашивали: «Почему диктатура пролетариата на местах выродилась в диктатуру низов преступного типа?», «Почему даже в великий день Октября не дано никаких реальных прав и возможностей пролетарским слоям без страха перед ЧК, обысками?» (33).

Чрезвычайные меры, террор были выражением не прочности и стабильности власти, а ее слабости и неэффективности. «Чрезвычайщина» представляла собой судорожную попытку власти удержаться в тупиковой ситуации, противостоять нараставшему военному нажиму как извне, так и внутри страны. Большевики стремительно теряли социальную опору, господствующим чувством становилась жажда порядка. Строго говоря, ситуация должна была разрешиться поражением большевиков. От перевода «чрезвычайщины» в организованную форму диктатуры зависела судьба советской власти.

Если говорить о модели чрезвычайной политики в новых государственных образованиях, созданных учредилловцами и архитекторами «белого дела», то в них тенденцию к диктатуре четко обозначил разгон в конце апреля 1918 года украинской Центральной Рады и создание Украинской державы вместо Украинской народной республики. «Закон о временном устройстве Украинской державы» наделял гетмана Скоропадского диктаторскими полномочиями. Примерно такой же ход событий наблюдался на севере России, где в самом начале августа 1918-го в Архан-

гельске была свергнута советская власть и создано «социалистическое» верховное управление Северной области, пригласившее в город интервентов. Однако противоречия между «демократическим» управлением и оккупационным режимом через неудавшийся правый военный переворот разрешились в начале октября формированием нового «несоциалистического» Временного правительства, существенной перегруппировкой сил вправо, к режиму «твердой власти». Смысл новой платформы сводился к следующему:

«Власть <...> должна являть собой сильный, наделенный полнотой прав, независимый и способный действовать верховный орган, конструкция которого представляется в форме Директории трех: одного военного, который должен стать главнокомандующим вооруженными силами контрреволюции, и по одному представителю социалистических и несоциалистических течений» (34).

Когда судьба Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) в сентябре была поставлена под вопрос в результате действий Красной армии, началась концентрация государственной власти в Омске. Функция принятия решений была изъята у Совета министров и передана в руки Административного совета, который включал в себя руководителей всех министерств Сибирского областного правительства и их заместителей. Та же участь постигла и Уфимскую директорию. Миссия создания сильной власти была возложена на адмирала Колчака. Однако чрезвычайные

органы в управленческом аппарате Колчака, равно как у генералов Деникина и Юденича, имели характер подобия «гражданской власти», но при генералах. Поэтому особая роль в карательном аппарате принадлежала военным органам – фронтовым и военно-полевым судам, но особенно возникавшим без единой системы органам контрразведки (35). Так же, как и ЧК в Советской республике, они были знаком разлитого по стране взаимного недоверия и подозрительности.

Судебная власть у белых осуществлялась не менее своеобразно, чем у красных. «Нормальные» судебные органы руководствовались дореволюционным законодательством с некоторыми изменениями, но действовали после военно-полевых судов. Судя по воспоминаниям белоэмигранта Г. Виллиама о деятельности контрразведки Новороссийска,

«попасть в это страшное место, а оттуда в могилу, было как нельзя более легко. Стоило только какому-нибудь агенту обнаружить у счастливого обывателя района Добровольческой армии достаточную, по его (агента) понятию, сумму денег, и он мог учредить за ним охоту по всем правилам контрразведывательного искусства» (36).

Контрразведка, уголовный розыск, государственная стража, действовавшие под охраной высших властей в полном единении с шайкой спекулянтов, грабителей и убийц, по мнению Виллиама, и погубили Добровольческую армию.

Все государственные образования до установления диктатуры Колчака (при ней и после нее) также не сумели избежать «чрезвычайщины». Царский полковник Б. Веверн вспоминал о ярославском мятеже в июле 1918 г.:

«Попавшихся в руки восставших комиссаров, разного рода советских дельцов и пособников их стали свозить во двор ярославского отделения государственного банка. Здесь творилась кровавая месть <...> расстреливали без всякой жалости» (37).

Комуч перед своим исходом прибег к массовым расстрелам недовольных (38). Адмирал Колчак откровенно говорил о «беззаконной деятельности» низших агентов власти – как военных, так и гражданских (39). Местные казачьи организации, освобождавшие Сибирь осенью 1918 года, также оказались малопригодной опорой власти (40). Грабежи, разбои и другие преступления были обыденным явлением в армии Деникина. Честный солдат обращался в мародера, на смену идейности и порядочности «приходили низкие корыстные мотивы и грубый произвол» (41). Эти явления Деникин в своих воспоминаниях называл «черными страницами» в истории его армии.

С отрицательными явлениями эпохи «добровольчества» пытался порвать барон Врангель. В апреле 1920 г. из гражданского управления было выделено особое управление юстиции для борьбы с уголовной преступностью. Поставленные под контроль органы

контрразведки почти прекратили разбои и насилие, виновники преступлений подвергались суровым наказаниям. Однако бывший начальник военно-судной части Донского корпуса И.М. Калинин считал, что от этого получилось «не много проку», а «намерение вождя создать белую чеку для искоренения преступности потерпело крах» (42). Впоследствии и сам Врангель вынужден был признать неудовлетворительное состояние контрразведки и уголовно-розыскного дела (43).

Качание маятника чрезвычайных мер в сторону «чрезвычайщины» еще не раз произойдет в истории СССР/России, особенно в годы сталинской «революции сверху». Это случится во время стремительного индустриального рывка на базе свертывания нэпа и насильственных квазисоциалистических преобразований в деревне. А также в ходе «Большого террора» – чистки и устранения значительных слоев общества, которые нарушали политическую и социальную «гомогенность» советского народа, препятствовали созданию однородной, надежной, «правильной» общности.

Введение «сверху» чрезвычайных мер для преодоления хлебозаготовительного кризиса, в значительной мере спровоцированного преувеличенными индустриальными амбициями власти, возродило в январе 1928 г. систему принудительной заготовки хлеба с подключением чрезвычайных хлебных «троек» и ГПУ. Политическая элита раскололась на сторонников нэповского реформизма и бойцов «третьей» революции. Давление на крестьян, спекуляция,

Доставка папок с документами по «Шахтинскому делу» на процесс

очереди за хлебом, введение карточек, усиление безработицы всколыхнули армию, вызвали восстания на Украине и на Кавказе, демонстрации, забастовки и «вольнки», погромы лавок и магазинов, разоружение милиции. Страна оказалась снова на грани гражданской войны. Особое настроение создавала партийная кампания против «вредителей», «недобитых буржуа», кулаков, начатая для переключения недовольства рабочих в другое русло. Как бы прологом будущих трагедий прозвучало заявление 12-летнего сына одного из обвиняемых по шахтинскому процессу: сын просил расстрелять отца (44).

После временной приостановки чрезвычайных мер в июле 1928 г. они развернулись на местах – но

уже «снизу» – в начале 1929 г. и вызвали массовый протест и выступления средних и зажиточных крестьян. Их жесткое подавление, новый нажим на деревню, удары по рынку позволили выполнить к декабрю

1929 г. план заготовок и тем самым подготовить почву для насильственной коллективизации и репрессивному раскулачиванию. Начиналась критическая фаза «революции сверху», поставившая страну на грань катастрофы и породившая в конце концов «социалистическую деспотию» (выражение Ульфа Вольтера).

В июле 1937 г. под именем революции страна снова была взнудана профилактической социальной чисткой. Областные и краевые партийные комитеты, а также ЦК нацкомпартий в рамках «кулацкой операции» по приказу НКВД брали на учет бывших кулаков и уголовников, вернувшихся из ссылки, – с этими людьми связывались многочисленные преступления и акты саботажа в экономике. В короткие сроки в ЦК и НКВД поступили затребованные данные о предполагавшихся масштабах репрессий. На региональных совещаниях прозвучала директива: сохранение абсолютной тайны о квотах репрессий и о приостановлении действия норм об аресте и роли прокуратуры, установленных Конституцией. «Целевые группы» террора были обобщены в проскрипционных списках. Среди традиционных групп «враждебной» системы («бывшие кулаки», «члены антисоветских партий», «участники повстанческих, фашистских, шпионских формирований», «церковники» и др.) появилась новая категория – уголовные преступники. Политическое руководство СССР, с одной стороны, криминализировало социальную стихийность, с другой – политизировало обычные преступления, приравняв их к оппозиции советскому порядку. Была

СТРОГО СЕКРЕТНО **ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.** ²⁷

Скopies копий воспроизводится
 Вруч. подлин. *тов. Ефремов*

(Пост. П.Б. от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)
 Пост. П.Б. № *61* п. *58*
 25. IV. 38 г.

ШИФРОВКА

Из ИРКУТСКА отправлена 15-54 26. IV 1938 г. Поступила в ЦК ВКП
 на расшифрование 26. IV 1938 г. ч. 19 м. - Вх. № 472/Ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ.
 Н К В Д тов. ЕФРЕВУ.

Ввиду значительной засоренности области право-троцкистскими
 лев-монгольскими и кулацко-белогвардейскими элементами, подпадаю-
 щими под первую категорию, просим ЦК ВКП(б) разрешить дополнитель-
 ный лимит по первой категории для Иркутской области 4 тысячи.

И. О. СЕКРЕТАРЯ ИРКУТСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ФИЛИПОВ.
 Начальник НКВД по Иркутской области МАЛЫШЕВ.
Зд. Г. С. В. Колосов В. Вершинин К. Канашов

26. IV 1938 г. ч. 19 м. 20 Напечатано 4 580 Паршии. *т. Мухомов-32
 т. Ефремов-32*

Скopies копий подлежат возврату в срок

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:
 Шифрограммы должны храниться только в секретных архивах.
 При ссылке на текст шифрограммы воспроизводится указывать, что истинный текст, а также воспроиз-
 водится указывать и номера шифровок.
 Текст из шифровки послается также в шифровальном виде; текст передаваемого шифром сообщения сохраняется ко-
 ротно и вносится только в одном экземпляре, который и передается на шифрование.

установлена и мера наказания, которую должны бы-
 ли применить внесудебные «тройки»: смертная казнь –
 первая категория, от 8 до 10 лет лагеря или тюрьмы –
 вторая. Определялись квоты репресслируемых по об-

ластям, краям и республикам СССР (45). В январе 1938 г. Политбюро приняло решение продолжить операцию. Девяти союзным республикам, двум автономным республикам и одиннадцати краям и областям РСФСР были выделены дополнительные лимиты репресслируемых. Если сравнить количество обреченных на уничтожение, определенное этим новым решением, с квотами, переданными ранее согласно приказу НКВД, мы обнаружим тенденцию к ужесточению наказания: число смертных приговоров по сравнению с заключением в лагерь и тюрьмы выросло.

Представление о революции со всеми сопутствующими факторами, в том числе попаданиями в «чрезвычайщину», реанимировали 1991 и 1993 гг. Сейчас трудно уже предположить, как бы выполнялась программа ГКЧП. Однако то, что с тревогой ожидалось в случае победы путчистов, неожиданно проявилось в поведении демороссов, действовавших, по сути, как необольшевики. Пошаговые изменения были принесены в жертву ельцинскому «чуду» – за полгода оздоровить российскую экономику. Такие рецидивы, как погром ЦК КПСС, сам способ захвата и дележа партийного имущества, идеологическая компания типа «расследования о деньгах КПСС» с целью создать образ врага, чуть было не начавшаяся «охота на ведьм», мало чем отличались от большевистских методов. В своих воспоминаниях об августе 1991 г. бывший мэр Москвы Гавриил Попов пишет, что демократы СССР, демократы Москвы и Ленинграда не собирались добиваться новых парламентских

выборов, чтобы на основе Конституции, на основе закона освободить коммунистов от власти. Они собирались «дать бой»:

«Путч не был чем-то неожиданным. <...> Консерваторы понимали, что осенью дадим бой уже мы. Опять-таки потому, что и нам ждать больше было нельзя. Народ требовал от нас реформ, и мы их обязаны были бы начать, отняв у центра право вмешиваться в дела России. Консерваторы попытались опередить нас. В свете сказанного я своеобразно отношусь к идее суда над ГКЧП. Над КПСС – да. А вот над ГКЧП – спорно. ГКЧП – конечно, нарушение законности. Но и нам пришлось бы ее нарушать. <...> Великие переломные эпохи нельзя судить по статьям прежних законов – раз речь идет о переходе к новой системе законов» (46).

Современники тех событий были вынуждены констатировать, что «Демократическая Россия»

«не знает оппонентов или конкурентов, она знает только идейных врагов, “аппаратчиков”, “номенклатурищиков”, “директорский корпус” <...> предпочитает только те выборы и референдумы, где она выигрывает, она предпочитает “народ” и “массы” только тогда, когда они идут за ней, иначе “народ” для нее становится реакционной массой»,

становится «красно-коричневым» (47).

МОСКВА

Борису Ельцину, Руслану Хасбулатову, Ивану Силаеву

Мэру Москвы Гавриилу ПоповуАкадемии наук СССР
Президенту Академии МарчукуБ. Грузинская 10
Институт Физики Земли АН СССР
Директору института Владимиру Страхову

Коллектив Комплексной сейсмологической экспедиции ИФЗ АН СССР, проводящей исследования на территории Таджикистана, глубоко возмущен незаконными действиями самозванного "Комитета по чрезвычайному положению", смещением Президента страны М.С. Горбачева, вводом войск в Москву и некоторые столицы суверенных республик, начавшимися в Риге кровопролитием.

Мы переживаем глубокий стыд за то, что подобные действия оказались возможными в нашей стране.

Мы не признаем преступную хунту Янаева.

Мы поддерживаем всенародно избранного президента России Бориса Ельцина, Российское Правительство и Верховный Совет и надеемся на них.

Мы призываем наших коллег в Институте, всех, кому дорого демократическое будущее России, поддержать Российское руководство и оказывать ненасильственное неповиновение организаторам и сторонникам путча.

Не допустим диктатуры!

Не покроем себя позором перед своей совестью, перед страной, перед детьми и внуками!

Подписи:

Комф *Владимир* *Владимир*
Владимир *Колесников* *Владимир*
Владимир *Владимир* *Владимир*

Лидеры «Демократической России», сторонники суверенизации бывшей РСФСР признали, что с правовой точки зрения идея беловежского соглашения о денонсировании СССР ничуть не более законна, чем идея ГКЧП.

События сентября–октября 1993 г. подтвердили неслучайность этого. Если судить по официальным заявлениям администрации Ельцина, то временные ограничения некоторых прав и свобод в связи с введением режима чрезвычайного положения не противоречили общепризнанным нормам международного права, а также тогдашнего российского закона «О чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г. Так ли это? Всегда ли используемые меры согласовывались с остротой положения?

Не буду вдаваться в дискуссию по поводу вынужденности или невынужденности для президента чрезвычайных мер, разгона советов и расстрела Белого дома, хотел ли Ельцин узурпировать власть или искал выход из правового тупика, созданного старой Конституцией. Но уже тогда можно было зафиксировать цепочку фактов перерастания чрезвычайных мер в «чрезвычайщину», использование чрезвычайного положения для получения права на произвол. Это провоцировалось еще и тем, что ситуация оценивалась как акт гражданской войны между «краснокоричневыми» и «демократами», а не между консерваторами и радикалами. Закрыть печатные издания можно было лишь судебным порядком – в действительности же 12 органов печати были запрещены решением Министерства юстиции. Только суд мог приостановить деятельность общественных объединений – по отношению к 16 партиям, движениям, союзам этого не было сделано. Только суд имел право отстранить те или иные политические силы от участия в выборах, но это сделали указы президента.

Так исполнительная власть узурпировала функции законодательной и судебной властей.

В принципе все это было исправимо, пусть и задним числом. В конце концов, массовый террор не стал формой управления, чрезвычайный режим не был распространен на всю страну. Но, увы, уже нынешним поколениям невозможно забыть такие рецидивы «чрезвычайщины», как призыв «уничтожить гадину», как объявление чуть ли не трети населения «коммуно-фашистским», как обращение доносить о лицах, проживающих в Москве без прописки, выдворение из столицы приезжих с Кавказа, избиения и издевательства, творимые сотрудниками ОМОН по отношению к задержанным гражданам.

Но самое существенное то, что, как и в 1905–1907, как и 1917–1921 гг., как и в 1928–1929, 1937–1938 гг., «чрезвычайщина» не решила проблем, вызвавших рост напряженности и насилия. Негативное же воздействие на политическую культуру, в частности, такие ее компоненты, как компромисс, уважение к закону, посредничество, более чем очевидно. Чрезвычайное столетие показало, что политические и экономические задачи не могут решаться в формах «чрезвычайщины». Ее последствия всегда одинаковы – подрыв социальных основ режима, подрыв производительных сил, апатия, опустошенность и недоверие людей.

ЕСТЬ ЛИ ВЫХОДЫ ИЗ «ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНЫ»?

Есть. Для этого необходима прежде всего политическая воля. В 1905 г. Комитет министров, передавая полномочия Совету министров, предложил срочно пересмотреть законы об усиленной и чрезвычайной охране, введенные еще в августе 1881 г. За это же выступило и Особое совещание. Оно признало, что выросло целое поколение, которое не видело иного порядка поддержания общественного благоустройства, не видело применения нормальных законов и,

«сталкиваясь с распоряжениями, вытекавшими не из прямого смысла общих законов, а из предоставленных исключительными правилами полномочий, утрачивало сознание их исключительности, теряло чувство законности и в то же время проникалось недовольством к произволу власти» (48).

По-другому поступили революционеры после Февральской революции 1917 г.: полиция и охранка были просто распущены. Большевики, объявившие массовый террор формой управления, начиная с осени 1918 г. стали отказываться от этой политики. Так им удалось удержать власть на ограниченной территории России. Симптоматичным признаком нежи-

даемого поворота стало появление 13 августа в «Правде» статьи Николая Бухарина «Порядок». В ней он попытался как раз опереться на господствующее чувство по крайней мере городского среднего обывателя. Это был довольно значительный слой. Большевики его потеряли и не особенно привлекали к сотрудничеству. А сотрудничество было крайне необходимым, так как от этого слоя зависело налаживание порядка. Представители этого слоя были готовы «голосовать хоть за царя, хоть за самого черта, лишь бы эти силы гарантировали ему, что на улицах не будет стрельбы». Бухарин утверждал:

«При данном сочетании общественных сил только рабочий класс может обеспечить элементарнейший порядок, и только его власть, Советская власть, может, в сущности, охранить обывателя».

Здесь Бухарин был неправ. Порядок могли обеспечить и противники большевиков. Именно на обещании твердого «порядка и законности» пришел к власти адмирал Александр Колчак. Вступая в должность Верховного правителя Российского государства, он заявил:

«Меня называют диктатором, – пусть так. Я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским. Как сенат Древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров Российского государства в тягчайшую из тяжких

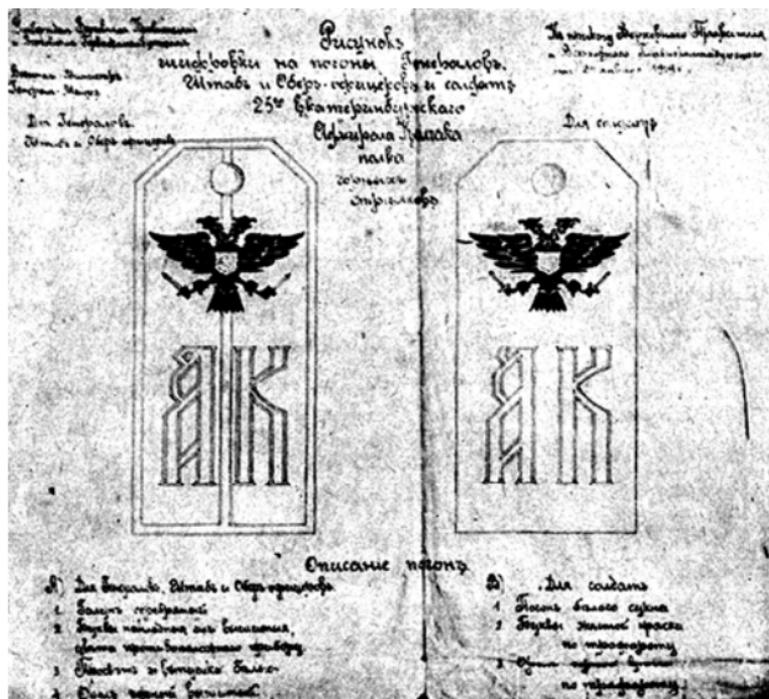

Рисунок шифровки на погоны Генералов, Штаба и Обер-офицеров и солдат 25-го Екатеринбургского Адмирала Колчака полка горных стрелков. Приложение к приказу Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего от 24 января 1919 г.

минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня верховным правителем» (49).

В состоянии ли были большевики немедленно обеспечить «порядок» путем перевода «чрезвычай-

щины» в более организованную форму диктатуры (стабильность ведь обеспечивается разветвленными бюрократическими структурами, а эффективность действий – гибкостью чрезвычайных органов)? По всей вероятности, сразу сделать этого они не могли, так как в слишком сложном положении оказались. Нельзя сбрасывать со счетов и инерцию самой «чрезвычайщины». Крестьяне в одних местах начинали поворот в сторону Советской власти, а в других еще ждали белых как избавителей. Именно поэтому, с одной стороны, зарождался процесс осознания необходимости порядка как фактора перетягивания на сторону большевиков значительных масс населения, а с другой – продолжалась линия на организацию террора как способа обеспечения тыла Красной армии в условиях ее июльско-августовских поражений, а затем медленной стабилизации положения.

Постепенно усилия по упорядочению, регламентации работы органов власти охватили довольно широкое пространство. Национализированные предприятия освобождались от контрибуций и чрезвычайных налогов, вырабатывались строгие правила реквизиции и конфискации предметов и грузов, воспрещенных к вольной продаже. Правительство переходило от увещеваний к жестким предписаниям. Четко формулировалось существо проблемы: «Всем губсовдепам и губпродкомам на местах согласовывать во всем свою деятельность с общей политикой центральной власти».

Большевики стремились изменить и форму осуществления чрезвычайных мер, ввести их в рамки

законности, переключить на центр, ограничить сферу применения бессудных расстрелов, регламентировать деятельность ВЧК. Впрочем, правительство продолжало считать, что в данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью. Однако постановлением о красном терроре от 5 сентября 1918 г. Совнарком попытался перевести его к контролируемым формам, опереться хотя бы на революционную законность, обуздать стихию насилия, в мутной воде которой часто ловили рыбку авантюристы и преступники, примазавшиеся к власти.

Регламентировалась деятельность ВЧК и ЧК, под действия любых чрезвычайных органов подводились строго определенные положения и узаконенные нормы действий, было принято решение о подчинении ЧК Советам и их исполкомам. Вместо уездных ЧК создавались уездные политические бюро во главе с начальниками уездной милиции, а за ВЧК сохранялось право применения наказания лишь в местностях, объявленных на военном положении. Однако регламентация работы ВЧК, ЧК и ревтрибуналов была минимальна. Через Дзержинского шло подчинение непосредственно ЦК, а точнее – лично Ленину.

Осенью 1918 г. решилась участь и других чрезвычайных органов – комитетов бедноты. К этому времени в их работе выявилась тенденция конституироваться как особые параллельные аппараты власти. Комбеды в значительной мере вытеснили из политической жизни деревни Советы, точнее – свели их функции до минимума. На деле возникло «двоевластие». Выбирая из законов то, что им было понятно

*Обложка папки материалов съезда деревенской бедноты.
Худ. К.С. Малевич. 1918 г.*

и близко, комбеды становились между массой и большевиками, тормозили прохождение прямых «сигналов» сверху. И чем дальше, тем больше ситуация выходила из-под контроля. Действия, дискредитировавшие решения центра, не только вызывали озлобление крестьян, но и были разрушительны, опасны для самой власти.

Все эти и другие отступления совершались до определенной черты, которая в свою очередь обозначала момент серьезных раздумий верховной власти по поводу того, отступить ли дальше или остановиться на этой самой черте, достаточной для обеспечения стабильности и устойчивости режима. Ленину удалось благодаря невероятным усилиям выйти из гражданской войны в пространство более или менее либерального режима властвования. Сталин же из своей «революции сверху» – свертывания нэпа, сплошной коллективизации и раскрестьянивания – и заданной ею логики действий выйти не смог или не захотел, поскольку в любом движении «назад» видел угрозу своей власти. Более того, он возвел чрезвычайные меры в постоянную систему управления. После «революции сверху» и накануне «Большого террора» ключевые позиции в сталинской команде заняли люди, способные чувствовать себя как рыба в воде именно в условиях чрезвычайных мер, так как они просты в применении, сориентированы на простое исполнение команд, избавляют от личной ответственности.

Но главное, что сама правящая партия и ее аппарат в центре и на местах стали превращаться в главный чрезвычайный орган управления, подчинявший себе как регулярные органы управления, время от времени наделяемые чрезвычайными полномочиями, так и силовые, карательно-репрессивные наркоматы и ведомства, которые по определению больше чем кто-либо выигрывали от чрезвычайной политики.

Спасибо Николаю Ивановичу Ежову

АСЯ ПИНСКАЯ, ВАЛЯ МЫЗИНА. Москва, 272-я школа, 5-й класс "А".

Дорогой Николай Иванович! Вчера мы прочитали в газетах приговор над сворой правотроцкистских шпионов и убийц. Нам хочется сказать большое пионерское спасибо Вам и всем зорким наркомендельцам.

Спасибо, товарищ Ежов, за то, что Вы поймали банду притаившихся фашистов, которые хотели отнять у нас счастливое детство. Спасибо за то, что Вы разгромили и уничтожили эти змеиные гнезда.

Мы Вас очень просим беречь себя. Ведь змея-Ягода пытался ужалить Вас. Ваша жизнь и здоровье нужны нашей стране и нам, советским ребятам.

Мы стремимся быть такими же смелыми, зоркими, непривираемыми ко всем врагам трудящихся, как Вы, дорогой товарищ Ежов!

Газета «Пионерская правда» №36(2030) от 14 марта 1938 г.

В конце концов, только контроль партийного аппарата давал гарантию, что эти структуры не выйдут из подчинения и без санкции или при намеренном попустительстве не скатятся к «чрезвычайщине», в условиях которой «осажденную крепость» не удержать и союзников в Европе не найти.

В этом отношении довольно показателен сталинский способ выхода из «Большого террора», когда в ноябре 1938 г. было «приостановлено» рассмотрения всех дел «тройками», в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного суда. Положительно оценив результаты «кулацкой операции», Молотов и Сталин раскритиковали НКВД и прокуратуру за «ошибки», которые воспрепятствовали «полной победе над врагами». Так, были осуждены необоснованные и противозаконные массовые аресты и многочисленные нарушения элементарных норм в ходе следствия. С запретом на проведение массовых арестов и депортаций, ликвидацией «троек» «Большой

террор» объявлялся законченным. В будущем аресты, как устанавливала ст. 127 Конституции СССР, должны были проводиться только по решению суда или с санкции прокурора, а уголовные дела передаваться обычным судам и Особому совещанию НКВД. Резолюция в толковании событий 1937–1938 г. снимала ответственность за массовые репрессии с партийного и государственного руководства. Такому толкованию соответствовало и рано появившееся обозначение «Большого террора» как «ежовщины».

Директива нового наркома Берии открывала возможность обжалования (до 1941 г.) вынесенных приговоров. Поэтому 1939-й был отмечен широким потоком протестов. Однако выборочное знакомство со следственными делами лиц, осужденных «тройками», показывает, что по большинству дел, возвращенных прокуратурой НКВД, был получен отрицательный ответ. Управления госбезопасности не только затягивали процесс, но и при новых допросах свидетелей формулировали вопросы так, что они вели к подтверждению старых обвинительных заключений. Крайне малое количество реабилитаций в 1939–1940 гг. – показатель того, что кампания, проходившая под девизом «восстановления социалистической законности», не должна была пойти на пользу пострадавшим. Роль прокуратуры свелась к доказательству случаев нарушения закона со стороны работников НКВД и сбору ценного материала для их ареста и осуждения. Так руководство ВКП(б) освободило себя от ответственности за репрессии, а НКВД постепенно возвратил себе первоначальные полномочия.

От редакции

<p>В одной из статей газеты «Колхозная стройка» от 6 февраля 1938 г. тов. Травня С. П. (бывший секретарь Воскресенского райкома ВКП(б)) был назван врагом народа.</p>	<p>Следственными органами т. Травня С. П. реабилитирован и райкомом партии восстановлен в рядах ВКП(б). Настоящим редакция исправляет допущенную ошибку.</p>
---	--

Газета «Колхозная стройка» (г. Воскресенск Саратовской обл.) от 29 сентября 1939 г.

Была ли эффективной «профилактическая чистка» страны? Можно ли было террором обеспечить экономический рост, даже в ГУЛАГе, и вообще жить «радостней и веселей»? И разве благодаря «чистому» обществу (без шкурных правителей, бездарных военачальников, коллаборационистов) была выиграна Великая Отечественная? Разве народ после войны стал управляемым, перестал срезать колоски, чтобы спастись от голода? Наверное, что-то другое придавало устойчивость СССР. Массовые операции 1937–1938 годов были секретными, и их результаты поначалу были почти неосвязаемы. Но в воронку террора попадали не только его «целевые группы», а все: кто-то из-за близости к репрессированным терял работу или прекращал учебу, кто-то отказывался от родителей или учителей ради своего спасения. Особенность сталинского террора состояла в том, чтобы давать надежду в царстве всеобщего страха. Родилась технология «децимации наоборот»: не уничтожение каж-

дого десятого, а сохранение жизни каждому десятому. Может, потому не было сопротивления, что каждый считал: я буду тем самым десятым, которого не накажут? Отсюда магнетизм фигуры Сталина – сначала он, подобно Бонапарту, балансировал между классами, затем между аппаратом и массой, между разобщенными служащими государства, между членами первичных ячеек общества, охваченных страхом и надеждой людей.

Репрессивный процесс – результат сталинского подхода к преодолению разногласий в политической элите и инакомыслия в обществе – не позволял нормально управлять парией и страной. Поэтому время от времени по инициативе Сталина, о которой обязательно становилось известно массам, происходили своего рода «откаты», в сознание людей вселялись новые иллюзии: волна репрессий кончена, все враги уничтожены, и можно работать нормально.

О некоторых последствиях утопических расчетов

От длительного нахождения в революционных чрезвычайных условиях выигрывали бюрократия и аппарат – они забирали себе все больше и больше полномочий. Так было в 1905–1907 гг., но особенно заметно – после Октября 1917-го, когда надорвались профессиональные революционеры. С приходом к управлению новых слоев, середняка, проблема готовности или неготовности России к новому строю обнаружила себя в полной мере. Занимая ответственные места, середняк привнес в профессиональную революционную деятельность целый ряд новых моментов, в том числе расцвет бюрократизма. При непосредственной связи с различными социальными слоями бюрократизм не страшен. Не страшен он даже и тогда, когда выдвигаются вперед люди, зараженные какими-то анархическими болезнями. Но как только пошел середняк, проявила себя Россия. Н. Осинский (Оболенский) в октябре 1919 г. писал Ленину:

«Фактически, для претворения алгебраических формул (создателем которых был Ленин. – Г.Б.) в важнейших узлах работают или не организаторы, или хорошие исполнители (а нередко и плохие) – “чиновники”, если можно так выразиться. <...> У нас

на ответственных местах сидит масса таких, которые “умеют ладить”, не оскорбляют чужого самолюбия, не имеют крутого нрава. <...> У нас в ходу куча свадебных генералов, надежной бездари и “политической” мелкоты <...> ряд дельных организаторов болтается без дела или на вторых ролях» (50).

Наличие параллельных чрезвычайных органов как минимум удваивало проблемы бюрократизма. Важный сигнал о вырождении ВЧК и ЧК Ленин получил довольно скоро – от авторитетного Петра Кропоткина. Как и все теоретики революции, он апеллировал к опыту Великой французской революции, стремясь показать, как террористы Комитета общественной безопасности в 1794 г. оказались ее могильщиками. Кропоткин пришел к выводу, что рядом с Комитетом общественного спасения и особенно с Парижской коммуной, возникшими в 1793 г., «рядом с этой революционной и отчасти уже строительной силой, возникла другая – сила полицейская: в лице Комитета общественной безопасности и его полицейских отделов. И эта полицейская сила, страшно усилившаяся, когда начался террор, съела сперва Секции (органы народной революции. – Г.Б.), затем Коммуну, а затем и Комитет общественного спасения» (51).

Апеллируя к французскому опыту, «патриарх» русского анархизма утверждал:

«Ваши товарищи-террористы подготавливают то же самое в Советской республике. Полиция не

может быть строителем новой жизни. А между тем она становится теперь верховной властью в каждом городке и деревеньке. Куда это ведет Россию? – К самой злостной реакции» (52).

«Как это ни печально, – писала в конце гражданской войны группа чекистов Дзержинскому, – но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно сказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом». В заявлении сообщалось, что сотрудники ЧК

«стоят вне политической жизни республики <...> образовывая свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. Партийные организации смотрят на них, как на прежнюю охранку, с боязнью и презрением. <...> Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии» (53).

Есть множество и других свидетельств об отношениях, складывавшихся между аппаратчиками и чекистами. Конкурируя друг с другом с переменным успехом, они подчиняли заботу об общем деле своим корпоративным корыстным интересам.

Памятник П.А. Кропоткину в городе Дмитров. Скульптор А.И. Рукавишников, 2004 г.

Но дело заключалось еще и в другом. Очевидно, что в России к моменту взятия власти большевиками не было достаточных предпосылок для нового строя. Его формы возникли как бы раньше содержания, как компенсатор недостаточности органичности. Можно сказать, что через искусственное «завышение» форм, неадекватных содержанию, большевики прошли период «военного коммунизма», но уже в первые месяцы после Октября возник вопрос о том, кто реально выполняет функцию «удержания» формы? Инструментом, как будто специально созданным для этого, была бюрократия с характерным для ее деятельности доминированием формы над содержанием. Бюрократия в том виде, как она сложилась в России, стала не просто архаизмом, не просто проявлением известного уровня культуры, а своего рода компенсирующим механизмом, который начинает разворачиваться и приобретать вид «тотальной государственности» в условиях, когда складывающиеся формы не имеют должной опоры в производственном, технологическом потенциале и начинают «провисать». Попытки искусственно «держать» эти «провисшие» квазисоциалистические формы («у нас ничего не было, отсюда уравниловка» – Лев Троцкий) требовали определенной социальной силы, которая смогла бы выполнять данную функцию. Такой силой с исторически кратковременным перерывом на нэп и стали бюрократия и силовики.

По историческому счету, большевики, казалось бы, выполнили свою миссию. Их диктатура со всеми чрезвычайными ее деформациями помогла удержать

и закрепить многие прогрессивные результаты революции. Однако «пролетарские якобинцы», забежавшие, как и их исторические предшественники, далеко вперед – в царство утопии, не ушли с исторической сцены, остались у руля власти. Но, как предвидел Сергей Аскольдов, социальная революция на фоне русской действительности не выдержала испытания даже с точки зрения пользы. Русскому народу, по его мнению, не было никакого дела до социализма и вообще каких-либо теорий. Ему нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего освобождение от тяжестей войны. Действиями вождей революции тоже руководила лишь жажда власти и желание во что бы то ни стало, сейчас же осуществить свои замыслы, нисколько не заботясь об их прочности в будущем (54).

В 1991 г. также были избраны самые разрушительные методы преобразований. В решении национальной проблемы – принцип национального самоопределения путем разрушения метрополии и всего государства. Лидеры «Демократической России» даже не пытались обсудить возможность конфедеративного или федеративного устройства. В трансформации экономики – шоковая терапия, конфискация накопленных российским населением, переход к свободным ценам без индексации вкладов. Верх снова берет утопия – вера в быструю стабилизацию экономики за полгода, страсть к экспериментам, к революции.

«Оранжевый» звонок для Кремля

В нулевые годы в политическом мире активно обсуждался новый феномен – «цветные» революции, прокатившихся на постсоветском пространстве. Массовые протесты против существующей власти удивили неожиданными формами и методами выступлений – хэппенингами, акциями гражданского неповиновения, фрондами, молчаливыми заговорами, альтернативными источниками действия, Интернетом, граффити и др. В отличие от «бархатных» революций, приведших к преодолению тоталитаризма, национальному самоопределению и разрыву с СССР, «цветные» высвечивали кризисные явления и застой. Они противостояли не диктатуре, а режимам, которые функционировали в относительно демократических условиях, но скорее имитировали демократию. Оппозицию составляли не группы контрэлиты, а отодвинутые от власти, обиженные. Особая роль принадлежала неправительственным общественным организациям (НПО), а также иностранным фондам и институтам.

После событий в Тбилиси (2003) и особенно в Киеве (2004–2005) дискуссия об ином типе революции в начале XXI века развернулась и в России. Был

Акция «Украина без Кучмы». 2000 г.

сформулирован и центральный вопрос такой дискуссии: возможна ли она у нас? Данный вопрос звучал закономерно, поскольку слишком много общего наблюдалось в тогдашней политике Украины и России: высокая роль олигархических кланов, использование административного ресурса на выборах, социальные кризисные явления, разрыв между богатыми и бедными, интегрированность элит в западные структуры и зависимость от Запада, отсутствие эффективного государственного управления и др.

И тем не менее политологи успокаивали – «оранжевая» революция у нас невозможна. Аргументы? Президент Леонид Кучма – непопулярный лидер, Вла-

димир Путин – самый популярный политик в России. Оппозиция на Украине смогла сформировать сильную политическую коалицию, влиятельную в парламенте, в России её нет. Есть лишь устойчивость к внешним воздействиям, но нет сильной идеи, нет харизматического лидера оппозиции (55).

«Цветные» революции уже стали фактом истории, но можно ли их назвать действительно ожидаемыми революциями? В поисках ответа на этот вопрос важны такие аспекты, как цель, характер и результаты революций. Если происходит быстрое свержение власти без выстраданной социальной и политической цели, хотя и на фоне реальных социальных проблем и бесстыдной коррупции, если самоцелью является простая смена элиты, а не преобразование несовершенной государственности, если в основе идеологии протеста лежат этноцентризм и национализм, то рано или поздно приходит разочарование в такой революции (56).

В то же время ни Эдуард Шеварднадзе, ни Леонид Кучма не пошли на использование силовых приемов, как в свое время это сделал Ельцин и таким образом направил Россию по авторитарному пути. Однако многие наблюдатели заметили, что ненасильственный характер совершенных революций является условностью. Ненасильственные действия на первой стадии вызывали симпатии населения. Но еще на предварительном этапе подготовки революции в ней создавалась «жесткая» военизированная группа, которая в решающий момент должна была совершить насильственные действия, с оружием или

без оружия – в зависимости от обстоятельств (57). Отрабатывались методы скрытого насилия, смещенного с физического в иной план. К примеру, с какого-то момента во время событий в Киеве ходить без оранжевой ленточки стало очень «неуютно» (58). От точечных силовых действий (нападения на Русский культурный центр имени А.С. Пушкина в Львове, Центральную избирательную комиссию и др.) переходили к их постоянному использованию (блокада правительственных зданий и Верховного суда). Для психологического давления на сотрудников правоохранительных органов использовался добровольный живой щит – толпа женщин, детей, молодежи, выступающая «за свободу», парализует силовые структуры власти. Широко применялся и моральный террор – организованное давление на тех, которые не согласны с новой – еще не получившей ни легальности, ни легитимности – властью. Руководители молодежной организации «Пора» объявили, что «накажут всех, кто их мучил эти недели на Крещатике и площади Незалежности» (59).

Прошедшие годы показали, что за победой «оранжевой» революции не последовала реальная трансформация политической и экономической системы общества, ведущая к позитивным изменениям в жизни граждан страны. Власть осталась закрытой корпорацией. Само 22 ноября превратилось из праздничного в День позора власти еще при Викторе Ющенко, а затем в День протеста против власти при Викторе Януковиче. Авторитаризм, наступление на права граждан и предпринимателей, вымогательство

Акция протеста в Киеве. 22 ноября 2010 г.

чиновников, цензурирование СМИ, преследование политических оппонентов свидетельствует о том, что не исключена еще одна «оранжевая» или уже классическая революция, по сценарию 1917 года, но в условиях XXI века.

В большинстве постсоветских государств «оранжевая» революция привела к усилению авторитарных режимов. Даже в Грузии правительство пошло на жесткие меры, чтобы заставить замолчать своих критиков в электронных СМИ. В Киргизии не было организованного оппозиционного движения, в результате беспорядки переросли в хаос, сопровождавшийся насилием. Демонстрации, следовавшие

Беспорядки в Бешкеке (Киргизия). Апрель 2010 г

за белорусскими президентскими выборами 2006 года и получившие в иностранных СМИ название «джинсовой» революции, были жестко подавлены властями.

Что извлекла для себя за эти годы Россия, как использовала шансы, которые давала экономическая конъюнктура и реально существующий авторитет власти? Многим памятна поспешная реакция Кремля на неожиданную украинскую революцию – объявление о появлении в России пятой колонны левых и правых либералов, приравнивание «фальшивых либералов» к «настоящим нацистам» с общими спонсорами зарубежного происхождения (60), создание

Селигер-2011

в рамках молодежного движения «Идущие вместе» другой, более массовой, организации – «Наши», способной, по замыслу организаторов, защитить существующий режим власти. Позднее произошел отказ от попыток инсценировать политическую конкуренцию между партиями, практически была восстановлена однопартийная система. В идеологической конструкции появилась идея «особого пути».

По существу, в стратегических вопросах российская власть предпочла следовать сознательному «недовыбору», хотя вся история минувшего века демонстрировала, чем оборачивалась такая политика. Нэп и проекты экономических преобразований в конце 40-х – начале 50-х, хрущевские эксперименты и косы-

гинская реформа, застойное «постепеновство» и горбачевская перестройка, наконец, взаимная потребность друг в друге радикальных реформаторов и радикальных оппозиционеров в 90-е – все это вехи компромиссных и потому тупиковых, приносивших лишь ограниченный ситуационный эффект решений. Решений, в конце концов не устраивавших оба субъекта пространства власти – и правителей, и элиту – и потому приводивших к попеременному чередованию «подпольного» и «легального» статусов модернизации и мобилизации, то есть к движению по замкнутому кругу и не прекращавшемуся повторению уже многократно допущенных ошибок (61).

Если в нулевые годы масштабы приватизации измерялись миллиардами долларов, то национализации – десятками миллиардов в год. Разница – на порядок (в 10 раз), особенно велика она была во второй половине нулевых (в десятки раз). С точки зрения чиновников, это якобы повышало «управляемость» экономики, а реально создавало массу новых возможностей для реорганизации финансовых потоков в пользу тех, которые находятся у власти. Помимо финансовых потоков такая вязкая, невнятная национализация позволяла увести в сторону и саму собственность на многие активы. Засилье госсобственности в экономике и непрозрачность госкорпораций создали благоприятную среду для коррупции и воровства (62).

Восстановление моноцентрической властной вертикали и процесс переучреждения государства с помощью пакета институциональных реформ должно было дать новый импульс развитию. Однако этого не

Митинг протеста против монетизации льгот. Январь 2005 г.

произошло. Кадровые перемены и взятие под контроль президентской командой основных государственных постов и важнейших экономических субъектов в начале 2000-х – совершенно оправданные в реалиях олигархической фронды и торможения «семейным» кланом президентских начинаний – превратились в самоцель. Новый заход на институциональные реформы, однако, без какой бы то ни было корректировки их содержания и акцентов с учетом серьезных изменений, без просчета возможных социальных издержек привел в 2005 г. к резкому падению рейтинга президента и проводимого им курса. В частности, замена льгот денежными компенсациями

Дорожный знак, размещенный активистами экологического движения «Делай Сам» после запрета велозаезда «Let's Bike it!» по набережной Москвы-реки вдоль Кремля. Конец сентября 2011 г.

привела к росту протестных выступлений («седая» революция). До 75 процентов пенсионеров не одобряли «монетизацию льгот». Однако за 20 лет миллионы людей научились самостоятельно выживать и решать свои материальные проблемы без участия государства, обеспечивать нормальный уровень жизни своим семьям.

В то же время сам по себе монополизм в пространстве власти не стал надежным фундаментом для упрочения позиций носителя верховной власти.

Ставка на сугубый прагматизм и технократизм как на своего рода идеологию переучреждения государства не оправдала себя. Однако и новая идеология («суверенная демократия») как альтернатива пораженческой и антигосударственной по своей сути идеологии сторонников «оранжевого» транзита власти не дала ожидаемого результата. Оставалось неясным, куда движется страна, насколько легитимна и устойчива государственность, сохранится ли родовой порок номенклатурно-сословной власти позднего СССР и её отрыв от народа?

Так называемая рокировка тандема, объявленная 24 сентября 2011 г., а затем в одночасье возобладавшее в обществе мнение о том, что результаты выборов в Государственную Думу 4 декабря сфальсифицированы, стали своего рода рубежными событиями: значительная часть образованного населения (преимущественно жители мегаполисов) восприняла их как вызов. В результате страну захлестнула волна митингов, напомнивших политическое бурление страстей на улицах Москвы и других крупных городов 20 лет назад.

Символическая фаза новой революции

Для определения и оценки декабрьских событий 2011 года пока не образовалось достаточной дистанции и необходимого объема последствий. Но замечание Пьера Бурдьё о том, что любая революция начинается с символической фазы, позволяет начать предварительный анализ феномена неожиданных массовых протестов. Когда символическая революция

«происходит и утверждается в умах наиболее продвинутых и интеллектуально мобильных социальных групп, происходит революция реальная, меняющая не только отношение к понятиям и явлениям, но сами понятия и явления» (63).

Понятий за короткий период собралось немало, порой они взаимоисключали друг друга. К примеру, сразу же прозвучали такие определения, как «бунт истеблишмента» или «гламурная революция», которую вызвала к жизни «гламурная диктатура» (64). Действительно, многие обратили внимание на то, что на Болотной площади 10 декабря 2011 г. собралось много прилично одетых, в общем и целом довольных жизнью и гордых собой людей. Однако прозвучало

Болотная площадь 10 декабря 2011 г. Фото А. Левича

и предложение назвать московские события «одуванчиковой революцией», потому что дунешь – и она рассыплется:

«от провокаторов на митингах, от сливов компромата, от того, что надо начинать готовиться к новогодним праздникам и т. д.» (65).

Ряд блогеров и западных СМИ окрестили протесты, происходящие в России, «снежной революцией». Но это тут же вызвало пессимистическую реакцию – цвет у такой революции грязно-серый, как снег на московских улицах, утопанный тысячами ног:

«Серого цвета и пинджачки бюрократов и чинуш, унылых держиморд режима и мундиры продажных полицейских. Серые крысы пилят бюджеты, серые крысы подобно своим ливийским сородичам планируют запустить механизм развала страны, ориентируясь на внешнюю поддержку. Это революция серости и грязи. От серой бессмыслицы сурковской стабильности к точно так же насмехающейся над народом и идеями булькающей жиже “снежной революции”» (66).

Поэтому альтернативой должна быть иная революция. Не та, которую «предлагают друзья Госдепа, навалыные, яшины, немцовы», а «русская, имперская, социалистическая» революция, о которой должны заявить имперские и национал-патриотические силы, так как

«страна ждет новую Великую Чистку от либералов и предателей всех мастей, где бы они ни находились, во главе оболваненных масс или в кремлевских кабинетах» (67).

Появились и непривычные, непохожие на знакомые «цветные» понятия новые термины – «революция горизонталей», «креативная революция». Их апологеты уверены: подобная революция в сфере дискурсов вызвана в том числе и тем, что российское общество впервые применило новые инструменты принуждения власти к законности и демократии. К примеру, наблюдатели от совершенно разных партий и независимые наблюдатели, объединенные об-

щей целью не допустить фальсификаций, смогли найти общий язык и таким образом преодолеть крайне низкий уровень социального доверия. Без этого невозможно гражданское общество. 4 декабря самым важным были

«не фальсификации, не зарождение “революции” с ее митингами и требованиями политических изменений, а появление доверия и нащупывание общего языка между расколотыми частями общества» (68).

Понятно, что упрек «верхов» о «небольших денежках», которыми якобы расплачивались с вышедшими на Болотную площадь людьми, демонстрирует незнание этими самими «верхами» законов сетевой динамики. Реальный сетевой эффект, а не его имитацию, невозможно купить за деньги. Сетевой феномен возникает только тогда, когда у значительной части общества имеется общая эмоционально воспринимаемая проблема. В декабре 2011 года этой проблемой стала массовая убежденность в фальсификации выборов, помноженная на откровенное нежелание дуумвиров обеспечивать избирательное право кому-либо, кроме них (69). То есть сами по себе сети и её участники, твиттер или фейсбук не могут сотворить революцию, если к ней нет предпосылок. Но если в печати или на телевидении отсутствует возможность для свободной дискуссии, то такую возможность предоставляет Интернет (70).

Образ той части участников митингов (а это примерно одна пятая или одна шестая всех пришедших),

Митинг на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г.

которая собралась через Интернет, помогает представить исследование открытых данных, указанных пользователями ВКонтакте и Facebook в своих профилях. Подавляющая часть митинговавших попадает в границы от 18 до 28, пик приходится на 23–24 года, 66 процентов протестовавших родились после начала перестройки, юношей – 80 процентов, девушек – 20 процентов. Большинство «протестантов» имеют высшее образование, полученное в МГУ, ВШЭ, РГГУ, РУДН и некоторые технических вузах. Исследователей удивило наличие в том перечне МГИМО и Финансового университета. Две трети митинговавших нерелигиозны, они затрудняются с самоидентификацией себя как принадлежащих к той или иной конфессии (71).

По оценкам наблюдателей и политических обозревателей, митинговый протест оказался внепартийным и надпартийным, оседлать и использовать его в сугубо политических целях не получилось ни у одной партии – системной или несистемной (72). Националисты и левые имели меньшую – одну десятую – поддержку собравшихся. По сравнению с Болотной, на проспекте Сахарова заметно изменился состав митинговавших:

«Меньше стало “золотой молодежи”, больше людей среднего возраста. Модные прикиды сменились недорогой массовой одеждой. Лица стали сосредоточеннее. Меньше шуток, больше серьезных разговоров» (73).

Протест против существующего режима подчеркнул отрицал желание или стремление к революции, к насилию. Вопрос выборов был лишь формальным поводом для выражения несогласия с общим направлением движения страны. Под требованием честных выборов подразумевалась радикальная политическая реформа. Как не раз подчеркивалось, «декабристы» стремятся к тому, чтобы «вернуть большинству народа механизм контроля за национальной политикой», именно большинству, а не тем либеральным лидерам и фрондирующим группировкам элиты, которые «пытаются спекулировать на народном возмущении» (74).

Отсюда – показательная реакция на выступления с трибуны. Собравшиеся слушали ораторов с некоторым раздражением и больше были заняты собой. Как признался один из выступавших депутатов,

«политики, как представители партии, всегда выражают интересы части общества, то есть разъединяют, в то время как аполитичные деятели культуры объединяют. Последние и должны далее доминировать на общих митингах, на политиков должны быть жесткие квоты» (75).

Этот же левый депутат обратил внимание и на политический инфантилизм собравшихся людей. Ни организаторы, ни участники не отдавали себе до конца отчета в том, чего они, собственно, хотят. Оскорбленное чувство требовало удовлетворения, и поэтому они готовы были до позднего вечера оскорблять

Шествие-митинг 4 февраля 2012 г.

власть, намекая ей на то, в каком именно направлении она в дальнейшем должна двигаться.

Незавершенность протеста вызвало возмущение русских националистов. Они обвинили организаторов митингов в предательстве революции:

«Официальные организаторы, получившие от властей “добро”, прекрасно осознавая, какая живая сила соберется в первый после выборов выходной день, чтобы почтить в муках почившую демократию, перенесли митинг на Болотную площадь, фак-

тически заманив протестные легионы в “котел”, стиснутый ледяными жилами Москвы-реки. Развертывание наступления на Охотный ряд, Лубянку и Красную площадь было обречено, поскольку все пути отсекались мостами. Это предательство было организовано Немцовым, Касьяновым, Рыжковым и прочей политической плесенью, заманившей авангард национальной воли в либеральное «болото» декабрьской Москвы. <...> Десятки тысяч граждан, оказавшиеся заложниками “оранжевого” фестиваля, надо было превратить в толпу, замерзшую, уставшую, опустошенную, чтобы затем ее с легкостью рассеять, через четыре часа зимы объявив о завершении “праздника”» (76).

Итак, символическая фаза революции показала, что происходит и что можно ждать от наиболее продвинутых лидеров и социальных групп. В течение очень короткого времени в российское общество был выплеснут весьма многообразный спектр понятий, оценок и целей – от скептически-умеренных до неистово-радикальных. Уже другая Россия вступала в новый год. Естественная новогодняя пауза стала временем для осмысления проблем лидерства и стратегии дальнейших действий. Со стороны могло показаться, что обе стороны – и власть, и её оппоненты – точно испугались всего того, что произошло. Власть – по причине того, что уже привыкла дрейфовать в политическом штале, попутно решая собственные меркантильные (выдаваемые публично за масштабные геополитические) проблемы. Так называемая оппо-

зиция – оттого, что вдруг снова, как летом 1996-го ей, как казалось, всё само плыло в руки. От неё требовалось лишь проявить волю – элементарную волю. А вот с этим, как всегда в нашей стране, большая проблема. Что же до «обманутой» и «возмущённой» «массовки» (или, по словам одного из «демократических» лидеров, «хомячков»), то она уже, по большому счёту, не интересовала ни тех, ни других. Тоже, впрочем, как обычно, в нашей истории.

Вождизм, режим личной власти или концепция команды?

Этот вопрос обсуждается сейчас не меньше, чем стратегия движения страны. Неслучайно наиболее популярным стало утверждение о том, что «Россия устала от вождизма»:

«<...> Нужна не концепция вождя, а концепция команды, абсолютно прозрачной по мотивации, по своим интересам и целям, которая придёт к власти, и в этой команде любой человек <...> может быть лидером, но лидером как первый среди равных, а не как вождём, которому нужно безгранично доверять и потом он тебя кинет» (77).

До 1917 г. в России моментом восхождения на царствующий престол являлись коронации, которым могли предшествовать смерть самодержца либо дворцовые перевороты. Русская революция резко изменила способы обретения высшей власти. Чтобы стать правителем, надо было возглавить «партию нового типа», идущую на революцию и на захват власти (Ленин). Можно также определенное время находиться в «коллективном руководстве» и затем пойти на «революцию сверху» (Сталин) или ждать своего

момента, готовить его с единомышленниками (Андропов, Горбачев), можно устроить государственный переворот в рамках коммунистического строя (Хрущев, Брежнев) или в результате отказа от него (Ельцин). Наконец, на рубеже веков в России складывается непривычный институт «преемника» (Путин, Медведев), появляется возможность осуществления рокировки носителей высшей власти в случае успешного дуумвирата.

Безусловно, наиболее сложным и немислимым было решение проблемы лидерства и властвования в результате невиданной ломки векового порядка престолонаследия. Именно это сейчас наиболее актуально при обсуждении ситуации после декабря 2011 г., когда ни советские, ни ельцинские способы прихода к власти не являются более легитимными.

Когда Александр Керенский сошел с политической сцены и победил Ленин, «Россия большевистская пошла в неведомую даль будущего с “фонарем

ленинизма» (78). В политической системе стал складываться институт вождизма, в котором Ленин исполнял роль «харизматического вождя». Никто, по признанию Александра Потресова, не обладал «секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей», «господства над ними» (79). Однако бесспорная харизма может сопровождаться и моментами полной изолированности вождя даже в рядах собственной партии (80). То есть харизма является скорее личной аурой вождя, на которую могут не влиять интересы текущей политики. «Пророк в пустыне» способен заявить партии и аппарату, что прежние политические формулы больше не действуют, и сменить сам тип движения. И окружение согласится с этим, поскольку лидерство было выстрадано в личном соперничестве Ленина с Георгием Плехановым, Юлием Мартовым, Александром Богдановым, Львом Троцким (он так и не смог избавиться в глазах большевистской олигархии от звания самозванца) и даже Леонидом Красиным. В «искушении» властью последний в 1923 г. раскритиковал застывшую структуру ЦК и заявил, что уж коли партия взяла в свои руки власть, то страной должны управлять не «журналисты и литераторы», а толковые администраторы, экономисты и инженеры (81).

Хорошо известно, что каждая революция вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которые, правда, никогда не отбрасывали нацию полностью назад, к исходному пункту, но всегда отнимали львиную долю завоеваний. Троцкий писал:

Эмигрантская газета «Возрождение», Париж, 1936 г.

«Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции; наоборот, на первое место выдвигались люди второго плана в союзе со вчерашними врагами революции» (82).

Так, до того неведомый массам Сталин вышел на политическую арену, но не внезапно. Прежде чем он нащупал свою дорогу, «бюрократия нащупала его самого». Именно он приносил ей все нужные гарантии – «крепкий характер, узкий кругозор и нераз-

рывную связь с аппаратом, как единственным источником собственного влияния» (83). Новому правящему слою, стремящемуся освободиться от старых принципов и от контроля масс, нужен был надежный третейский судья в его внутренних делах. И Сталин стал им. Правда, время от времени он принимал сторону «народа» против бюрократии – разумеется, с ее молчаливого согласия. Прибегал и к тайному голосованию, чтоб хоть отчасти очистить государственный аппарат от разъедающей его коррупции. «У нас немало учреждений, – говорил Сталин Рою Говарду в 1936 г., – которые работают плохо. <...> Тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти» (84). Как использовался хлыст для устойчивости системы и режима личной власти, хорошо известно.

Львиная доля завоеваний была отнята у народа и после 1991 г. Этого повторения многие боятся сейчас – если пробудившаяся гражданская активность может потребовать «замены известного тандема на мистера Х, на ё-президента, который сменит соус, но блюдо оставит неприкосновенным»:

«<...> Тогда на плечах энергичных романтиков, леваков и полугероев новая правая власть въедет в Кремль, изменит евразийскую риторику на либеральную, спустит в социальный нужник всех тех, кто привел её к власти, и будет проводить, по сути, ту же политику буржуазного перераспределения, что и власть предыдущая» (85).

Поэтому в преодолении «тоски по персонификации» видит главную задачу протестного движения Юрий Афанасьев. Для одного из активных участников перестройки наиболее важным спустя 20 лет является тип власти, способ власти, способ властвования. В этом контексте лозунгами движения должны стать призывы «Долой монополию на власть!» или «Долой самодержавную власть!» (86). Феномен Ельцина призывает учитывать и правозащитница Людмила Алексеева:

«<...> хорошо, что движение представляет не один посланный провидением лидер, а возникшие из недр общества коллективы» (87).

Не проблема, что протестное движение не едино идеологически, что оно включает в себя людей, различающихся по своему социальному статусу, по идеологии, по уровню образования, по интересам. Они оказались вместе, потому что все они убедились в необходимости смены этой власти мирным путем – на выборах. Структурно координация протестных действий и пр. осуществляется сейчас не через партии, а через Лигу избирателей, объединения «Голос», «Гражданин наблюдатель», оргкомитеты митингов, «Круглый стол» граждан, учрежденный 12 декабря 2011 г. Характерная новация сегодняшнего оппозиционного движения – его кросспартийность. За всё постсоветское время под одни знамёна ещё никогда не вставали (оставим в стороне подлинную мотивацию – в данном случае это неважно!) официальные

3 февраля 2012 года в московском метро

коммунисты и леворадикалы, националисты и рафинированные либералы, депутаты Госдумы (что вообще парадоксально – если исходить из расхожего среди оппозиции мнения, что «нарезка» мандатов и «раскройка» мест на Охотном Ряду были произведены на Ильинке ещё задолго до 4 декабря) и просто политические маргиналы и аутсайдеры.

Для молодых сторонников «креативной революции» лидером является только тот, кто сегодня актуален в сетевом пространстве:

«Имена и заслуги не имеют значения – ты хорош ровно настолько, насколько хорош твой последний проект, поддержанный Сетью. Это должны осознать все герои прежних времен. Их заслуги и имена принадлежат истории. Хочешь стать сетевым авторитетом, обнули свои амбиции и войди в Сеть на равных со всеми» (88).

Действительно, вряд ли кто сейчас способен претендовать на роль лидера, прежде всего духовного, потому что для этого, как считает Дмитрий Быков, необходимы такие условия его появления и личные черты, как «сочетание профессиональной состоятельности с неангажированностью», «способность повышать самоуважение массы», «не зависеть от мнения толпы – и притом точно соответствовать им». Но все это невозможно, поэтому лучше предпочесть «союз успешных гуманитариев», к примеру, Лигу избирателей (89).

Насколько самокритичным и устойчивым будет этот союз? Ведь признания, к примеру, о том, что «вожди протеста» в основном пошли за процессом, а не возглавляли его, о том, что риторика статусных оппозиционеров мало кого бы возбудила, если бы не процесс, который спровоцировало «глобальное кидалаво, устроенное тандемом 24 сентября 2011 года» (90), – такие признания произносятся единично и звучат приглушено. Некоторые политики из оппозиции думают, что могут оседлать общественные протесты, как это без особого труда им удавалось сделать еще 20 лет назад:

«Они подписываются на переговоры с властью, выставляют условия, заявляют себя представителями от имени протестующих. Они важно надувают щеки, потрясая своими былыми правозащитными и оппозиционными заслугами. Они не понимают, что времена меняются и нынешних оппозиционных политиков, как никогда раньше, будет украшать скромность, потому что своих подлинных представителей протестующие легко выберут через Интернет. И не факт, что именно тех, кто так навязчиво претендует на эту роль» (91).

Буквально на день раньше прозвучала похожая мысль: если политики будут по-прежнему демонстрировать свои сектантские амбиции, то волна протеста неизбежно пойдет на спад. Не могут люди бесконечно голосовать за резолюции с требованием перевыборов, осознав его недостаточность и именно

потому – принципиальную нереализуемость. А других резолюций, отвечающих их быстро меняющимся после 10 декабря умонастроениям, им не предлагают. И может так получиться, что запрос на системную альтернативу и новый тип лидерства будет вытесняться запросом на альтернативный «вождизм», противостоящий не только власти, но и всем разрозненным оппозиционерам (92). Симптомы этого уже просматриваются.

В российской истории взаимоотношения, складывавшиеся внутри оппозиции, никогда не были предсказуемыми. А значит, нельзя исключать, что если диалог с властью не возникнет и требования демонстрантов будут удовлетворяться лишь формально, если ситуация по тем или иным причинам начнет выходить из-под контроля и в условиях противостояния одна из сторон не выдержит и спровоцирует другую, то не исключено, что у кого-то из лидеров оппозиции может возникнуть соблазн единолично возглавить процесс и увлечь митингующих на крайние действия. О том, что уже заводится психологический механизм противостояния не только власти, но и различных сегментов народа друг другу, свидетельствует немало фактов.

Зачем запускается механизм ненависти?

Приемы разжигания ненависти, похоже, несколько не изменились со времен российских революций прошлого века. Сначала разминка – награждение неудобных лидеров различными прозвищами, затем разводка (со стороны власти) – «сами демонстранты – это лучшие люди страны, а вот выступающие на трибунах – скрытые американские агенты», получающие инструкции в американском посольстве. Далее – натравливание бедной глубинки на «зажравшихся и подпавших под влияние Запада» жителей столиц, противопоставление олигархов и работяг. И, наконец, уже внутри конкурирующих партий и лагерей разжигается немислимая нетерпимость по отношению к тем, кто посмел иметь свое собственное мнение.

Словом, до боли знакомая «классовая ненависть» (93), а значит, и громко звучащее на митингах и заметное в блогах большевистское – «кто не с нами, тот против нас». Об этой горькой правде первыми заговорили журналисты. Обратили на себя внимание слова нынешнего председателя Конституционного суда РФ в правительственной «Российской газете»:

«Некоторые лидеры митинговых протестов против нарушений закона на декабрьских парламентских выборах откровенно объявляют себя и своих сторонников неким новым “креативным классом”, который якобы имеет исключительное право решать главные политические проблемы страны. В отличие от всей остальной России. Причем в лексиконе этих лидеров в отношении тех, кто не вышел на митинги по их призыву, уже не раз прозвучали определения вроде “быдло”» (94).

Но, заступаясь за «быдло», судья сознательно или бессознательно указывает в качестве источника политического кризиса не реальную причину – принимаемое за аксиому значительной частью образованного и политически активного общества мнение о том, что власть проявила неуважение к институту выборов, а скорее следствие – виноваты исключительно сторонники оппозиции. Более того, судья призывает не выходить на улицу, не развязывать «классовую войну», а идти в суд. Но что делать, если этот суд перестал быть авторитетом для людей? К кому идти разрешать коллизию, где продемонстрировать свою правовую культуру (95).

Предчувствие «классовой войны» не развеяла и суббота 4 февраля 2012 г. Митинг на Поклонной горе созывался не движениями типа «Наши» или «Идущие вместе», созданными политтехнологами, а организациями с многоговорящими названиями – к примеру, «Патриотами России». Наказы ораторов будущему президенту России лишь прикрывали яростный

Митинг на Поклонной горе 4 февраля 2012 г. Фото В. Сулима

протест против тех, которые собрались на Болотной. Однако призывы «Нет оранжевой чуме!», «Болотные люди – идиоты или провокаторы!», по свидетельству очевидцев, индифферентно воспринимались собравшимися на этот митинг. Под сомнение вообще была поставлена искренность прихода людей на Поклонную гору, поскольку по многим признаниям не все оказались там по своей воле.

Но самое главное, что большинство людей подсознательно ощущали, что речь идет не об «оранжевой» революции, то есть о смене одной элиты другой, и не об экспорте революции, как бы это кому-то ни хотелось из модных пропагандистов. Никто ведь

из митингующих на Болотной в НАТО или Евросоюз, вроде бы, не собирался. Безосновательными выглядели и рассуждения некоторых политологов о том, что победа «оранжевой» революции будет означать моментальное изъятие у России ядерного оружия и остатков научного потенциала, вообще разъединения православных народов. Наконец, сценарии всех «оранжевых» протестов ведь были иными – если люди выходили на «майданы», то с них потом не уходили до победного конца.

В то же время очевидно, что активная часть людей действительно не желает революции, а тем более революции-катастрофы, хотя повсюду разлитое предчувствие, что через какое-то время она может разразиться, если власть не пойдет на глубокие преобразования в стране, не вступит в серьезный диалог с оппозицией. Вместе с тем наша история свидетельствует и об обратном – все попытки диалога (пускай вынужденного, не по своей воле) власти с оппозицией всегда воспринимались как убедительное свидетельство того, что «верхи» «испугались», «надломались», что их надо «дожать»... Именно так вели себя думские депутаты в непростой ситуации Первой мировой войны. Именно так поступали союзные и российские депутаты, травившие в одночасье разонравившегося всем поголовно инициатора перестройки. Пора бы власти понять, что идти навстречу митингоvincине, проводить зеркальные мероприятия, доводить ситуацию до клинча или загонять протест в подполье для неё бесперспективно и губительно. А вот перехватить инициативу, сформулировать и навязать

Табличка из «Спецкомплекта тихого борца за Путина» (96)

общественной дискуссии повестку дня, продемонстрировать собственную креативность (в конце концов, «маржа» от «трубы» должна пойти не только на «распилы»!), которая и не снилась «рассерженным горожанам» – вот это был бы правильный ход. Но есть ли на него политическая воля? Или «маржа» для «пацанов» всё-таки поважнее? Вот в чём вопрос...

По результатам первого противостояния 2012 г. заметно прояснился рисунок, связанный с известным в политологии положением о «полезности власти». Если между значительными массами народа возникает напряжение, способное перерасти в открытую конфронтацию, то власть оказывается нужной, необходимой (97). Однако лишь при условии, что люди, поддерживающие существующий порядок, действительно представляют не псевдодвижение, что защита целостности страны станет для них делом жизни.

Возможен ли ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫХОД из кризиса?

При общем неприятии идеи революционной ломки в среде политологов, идеологов, экспертов внимание сосредоточилось на поиске или прогнозировании институциональных и неинституциональных способов выхода из кризиса и дальнейшего движения страны. В этом контексте парадигмы либерализма, социал-демократизма («модернизированного социализма») и национализма отодвинулись на второй план.

Институционализация действительно способна преодолеть режим личной власти и «ручное управление», открыть тем самым конкуренцию для различных политических парадигм. Однако в течение 20 лет у нас формировались учреждения, которые скорее имитировали институты. Их фактическая работа была часто противоположна их назначению: работа суда и центральных каналов ТВ контролируются исполнительной властью, регистрируются только партии так называемой системной, то есть декоративной, оппозиции, парламент оказывается «не местом для дискуссий» и т. д. Иными словами воспроизводятся лишь форма, ритуал сложившихся на Западе систем институциональной деятельности:

Шествие 4-го февраля 2012 года в Омске

«Саму же деятельность организуем и осуществляем по-своему, воспроизводя ее посредством неформальных, но вполне действенных норм. Такие нормы, как личная преданность или послушность, нигде не записаны, но в нашей политической системе более важны, чем статьи конституции» (98).

Одновременно главным методом политического реформирования последних лет являлась импровизация. К примеру, в 2004 г. не было никаких фундаментальных причин для отмены губернаторских выборов. Но и в 2012 г. нет таких причин для их возвращения, тем более что еще недавно президент уверял, что их не будет еще 100 лет. И то и другое –

импровизация со стороны власти, тактический экспромт (99).

Институциональные изменения невозможны, если не изъять у власти «власть» и передать эту власть институтам. Причем эти институты – не дизайн гостиной, не прическа, не следствие «доброй воли» или любовной договоренности. Сутью института является принуждение (100). Модель, в которой общество консолидируется для принуждения к исполнению хотя бы одного, но функционирующего правила – правила для всех. Например, такого: выборы должны быть честными. Именно существование такого общего правила, непреодолимой преграды даст импульс к постепенной трансформации других квазиинститутов. Потому что закон и суд, к примеру, станут потребностью не тогда, когда будут проведены какие-то реформы, а когда угроза потери власти и с нею ответственности (вследствие неопределенного исхода выборов) станет более или менее реальной перспективой для любого игрока. Из этого следует:

«Политические программы и “видения будущего страны” имеют мало веса сегодня и вряд ли могут всерьез увлечь общество, пока мы не можем принудить власть проводить честные выборы» (101).

Одними из первых новую конституционную конструкцию после декабрьских выступлений 2011 г. предложили политологи Игорь Клямкин, Михаил Краснов и Лилия Шевцова. Не обязательно обращаться к идее Учредительного собрания (102) и раз-

рывать правовую преемственность. Для выработки и принятия новой конституции либо вынесения ее проекта на референдум в действующей Конституции РФ предусмотрено Конституционное собрание. Вопрос лишь в том, надо ли использовать этот инструмент для преобразования существующей формы правления в парламентскую республику, которая «надежнее застрахована от авторитарного перерождения». Однако авторы считают:

«Парламентская форма правления эффективна лишь в тех странах, где сложились сильные партии и где укоренились демократическая политическая культура и конституционное правосознание. Но в постсоветской России возникшие партии не столько укреплялись, сколько разлагались... Наше отношение к власти, как и ее отношение к нам, не очень-то соответствуют современному пониманию правового государства. И что же – ждать, пока мы до него “дорастем”? Но на основе чего будем “дорастать”? Разве проявившееся на декабрьских митингах отторжение “вождизма” не свидетельствует о стихийном запросе на иной, чем самодержавие, государственный строй?» (103).

Далее предлагается сохранить полупрезидентскую модель для России, но президенту отвести роль лишь главного хранителя конституционного строя, гаранта честных правил политической жизни – «роли партийного игрока его нужно лишить». Осуществление системной трансформации (по сути своей революци-

онной, но по методам эволюционной), как показывает опыт, успешно, если осуществление признания действующей власти нелегитимной, требование честных свободных выборов и установка на изменение конституционных правил игры сочетаются в одном пакете, консолидируют все оппозиционные силы. Там же, где эти условия обеспечены не были, происходили откаты к прежней системе при старых или новых правителях (104).

В обсуждении институционального выхода из кризиса и укрепления государственности постоянно звучат требования об избирательной, административной, парламентской реформах, реформе местного самоуправления. Но особенно настойчиво – о декриминализации государства и общества, отправным пунктом которой должна стать радикальная судебная реформа:

«Именно суды, в силу занимаемого ими системообразующего положения, а не спецслужбы, прокуратура или полиция несут основную ответственность за повальную криминализацию России. Они задают ту матрицу безнаказанности, внутри которой происходит перерождение всех остальных государственных институтов» (105).

То же самое касается спецслужб, где назрели не менее драматические изменения, где деформации не меньше, чем в судах. Изменить ситуацию способно здесь не реформирование, а расформирование. Новые эффективные отраслевые спецслужбы с четкой

Демонстрация в день открытия Учредительного собрания. Петроград, 5 (18) января 1918 г.

и ограниченной компетенцией – агентство по защите конституционного строя (борьба с терроризмом и контрразведка), федеральная криминальная полиция, агентство по борьбе с оборотом наркотиков и финансовая полиция – напрямую подчинятся главе исполнительной власти. Функции следствия окончательно сосредоточатся в одном месте – Федеральном следственном комитете РФ. Наряду с федеральной криминальной полицией в регионах должна быть создана милиция общественной безопасности, находящаяся в подчинении местных властей. Внутренние войска должны быть избавлены от необходимости исполнять репрессивные функции и преобразованы в на-

циональную гвардию и, возможно, соединены с МЧС (106).

Однако сейчас очевидно, что дело не в том, в каких рамках будет проведена работа по реформированию государственности. Будет ли созвано Учредительное собрание или Конституционное совещание? Следует ли ограничиться внесением принципиальных поправок в действующую Конституцию или лучше принять новый Основной закон? Важно налаживание диалога власти и гражданского общества по этому поводу. А если диалог не сложится? Тогда, по мнению Владимира Пастухова, может произойти следующий сценарий:

«Независимо ни от кого рано или поздно возникнет “внесистемный” и, естественно, неконституционный орган, который начнет выработать и предлагать обществу от своего имени идеи для запоздавшей конституционной реформы. Предотвратить такое нежелательное развитие событий можно, однако, не заклинаниями и анафемами, а конструктивной работой на опережение над давно назревшими конституционными реформами» (107).

Чем руководствуются сторонники конфронтации?

У институциональных способов выхода из кризиса есть немало противников, и их аргументация также подлежит внимательному рассмотрению. Утверждается, что многое из того, что требует сегодня общество, можно достичь только революцией, потому что революция преодолевает пропасть в один прыжок, в то время как медленная борьба за институты предлагает два. Власть подозревается в нечестной игре. Простое голосование – слабый рычаг по сравнению с возможной перспективой расследования личных состояний представителей власти, созданных при определенных обстоятельствах, или снятия грифа секретности с их образа жизни (108). Власть подозревается также в том, что готовит ловушку для оппозиции и вообще способна увести её в рутинное обсуждение второстепенных вопросов. Ухватится, к примеру, как за соломинку за хорошо известные «удальцовское требование социальной справедливости, за борьбу Навального с коррупцией, за призывы националистов к созданию русского национального государства». Другие возможные вопросы: «Что должно быть раньше – конституционная реформа или судебная? Должны ли первые лица государства

иметь иммунитет от уголовного преследования? Губернаторов – выбирать или назначать? Армию – делать профессиональной или оставлять призывной? Как дальше развиваться России?» (109). Некоторые из этих вопросов, безусловно, будут решены, однако мало кто верит в то, что данный режим готов серьезно обсуждать вопросы о создании механизмов сменяемости власти или своего собственного отстранения от власти (110). Неслучайно можно услышать:

«Я совершенно не согласен с мнением множества уважаемых коллег, которые считают, что надо обязательно идти на переговоры с властью, так как она пока обладает большим запасом легитимности. “Не верь, не бойся, не проси”. Сами придут и сами предложат» (111).

Данная посылка с декабря 2011 г. вызывает прогнозирование и предчувствие неинституциональных изменений институциональной структуры, которая складывалась во времена царской России и Советского Союза. И вот уже звучит: «Стране нужна не столько сама революция, сколько постоянная угроза революции, причем именно левой революции». Но автор этой формулы тем не менее допускает перерастание угрозы в конкретные сценарии развития событий. Первый из них: у «власти не выдерживают нервы или происходит случайный сбой – и проливается кровь». Второй: «власть возьмет толпу измором», «площадь будет окружена благодушными, невооруженными ментами, и все будет чинно и благородно»,

Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце. Не ранее 2 марта 1917 г., Петроград

«через некоторое время вновь наступит апатия, протест маргинализируется, власть воспользуется своими долгосрочными ресурсами». Третий: «В момент кульминации лидеры протеста сделают шаг, без которого невозможна никакая революция: объявят действующую власть нелегитимной и предложат реальную альтернативу» (112).

Кстати, возникновение параллельного центра власти уже случилось в истории российских революций. В 1917 г. Временному правительству противостояли Советы, в 1991 союзному центру противостояли структуры РФ. Их столкновение завершилось восстанием, переворотом, путчем с известными послед-

ствиями. Что могут противопоставить Кремлю лидеры Болотной–Сахарова? Оргкомитет гражданских митингов не собирается оформляться как альтернативный центр власти. Опасения о возможном насилии власти также отводятся:

«Во-первых, в стеклянном доме опасно кидаться камнями – чиновники повязаны сверху донизу, те, кого решат принести в жертву, могут начать говорить – мало никому не покажется. Во-вторых, за репрессии против политических противников придется заплатить – олимпиадой, саммитом АТЭС, встречей без галстуков, не говоря уже о счетах и собственности за рубежом» (113).

Однако способны ли эти факторы сдерживать? Воздействуют ли на людей запугивания разрушительной революцией или увещевания о том, что революция не обязана быть разрушительной?

Да, сейчас в стране нет ни одной значимой политической или идеологической силы, выступающей за революцию. Однако тезисы в защиту революции время от времени появляются. Вот некоторые из них:

«Первый (от разума). Революция создает новую легитимность... Второй (от духа). Революция дает шанс построить справедливое общество, реализовать общественный идеал, если угодно, “перезаключить” общественный договор... Третий (от души). Революция делает человека субъектом истории, пусть на миг, но вырывает его из состояния пере-

живания своей малости в огромном и безжалостном мире, дает каждому – и революционеру, и контрреволюционеру – почувствовать себя на стороне правого дела... Четвертый (от плоти). Революция может блокировать катастрофическое развитие общества» (114).

Однако как избежать насилия? Абстрактными рассуждениями об эффективности массовых ненасильственных выступлений, о том, что революционный террор – это всегда признак упадка общественного движения, акт отчаяния, эту проблему не решишь.

Сейчас, как и в 1905, 1917, 1991 годах, информационное пространство наполняется тревожными новостями или слухами. О том, что прослушка активизировалась, а мобильные телефоны принимают сигнал не от базовой станции, а от замаскированной под нее системы IMSI-Catcher, деактивирующий функцию шифрования данных. О том, что строятся новые тюрьмы и следственные изоляторы, проводятся учения МВД по пресечению массовых акций, готовится силовое подавление митингов, о том, что осенью из-за кризиса придется затягивать пояса.

На этом фоне может получить поддержку требование отказа от любого диалога с властью, призыв к движению за избрание общественных трибуналов для расследования и правовой оценки «преступлений режима», подготовке не к «круглому столу», а к противостоянию, к военному положению, к возможности интернирования оппозиционных лидеров и активистов:

«Если режим еще достаточно силен, чтобы отбиться от революции, то на существенные уступки он не пойдет, а переговоры использует, чтобы расколоть и скомпрометировать оппозицию. Если же режим достаточно слаб, чтобы договариваться всерьез, то на уступки не должны идти мы. Тогда уже надо требовать безоговорочной капитуляции. Нельзя допустить, чтобы революция стала кровавой; но нельзя допустить и того, чтобы она стала фальшивой. Как показывает опыт, фальшивая революция тоже оборачивается большой кровью» (115).

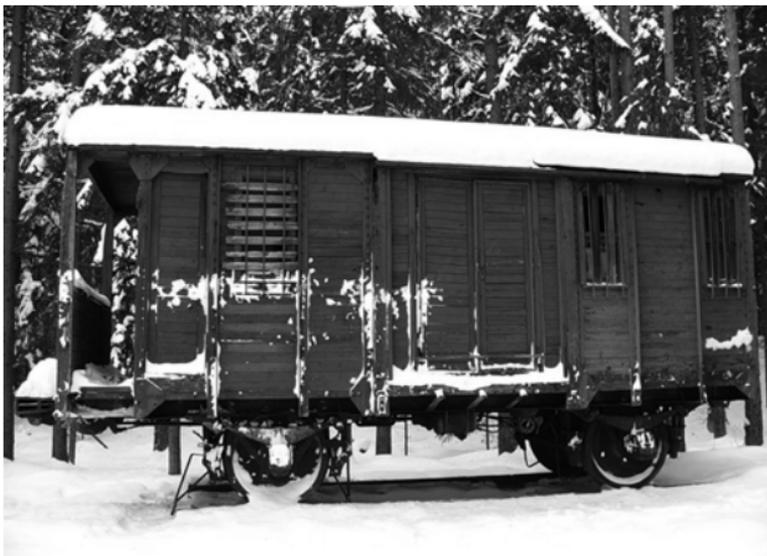
Можно ли избежать революции-катастрофы?

Историки Французской революции на протяжении вот уже многих десятилетий пытаются найти ответ на вопрос: была ли эта революция катастрофой или благотворным событием? Была ли она необходимостью или случайностью? Алексис де Токвиль, например, отказывался подписываться под тем или иным крайним тезисом. Французская революция, по его мнению, конечно, не простая случайность, она была необходима, если иметь в виду неизбежность уничтожения демократическим движением учрежденный старого режима, но она не была необходимой именно в той форме, какую она приобрела, и в отдельных ее эпизодах (116). Была ли она благотворной или катастрофической? Вероятно, де Токвиль ответил бы, что она одновременно была и той и другой.

Очень часто реконструкция истории революции оказывалась не более чем сводом понятий об этой революции, характеризующих не столько ее саму, сколько сознание тех, которые ее реконструируют, причем каждый раз как бы заново, исходя из господствующих поверий и идей. И тем не менее «тайна» российских революций видится мне в страсти к крайности, вере и надежде, что одним махом, разом

можно решить все проблемы, разделаться с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое.

Логике российского радикализма и максимализма может противостоять только умная политика. Там, где ее не хватает, появляется чрезвычайный комиссар или уполномоченный. Да, российские революционеры, подобно Сен-Жюсту, могли бы сказать: сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову. Однако и до 1905-го, и до 1917-го, и до 1991-го действительность содержала в себе огромное разнообразие вариантов развития и – главное – свидетельствовала о принципиальной реформируемости России. Хотя справедливым может показаться и другое мнение: а является ли такая принципиальная реформируемость благом, если она неизбежно оборачивается катастрофой? Если не умиротворяет, а ещё больше разжигает политические страсти и взаимную ненависть различных частей общества друг к другу? Но и на такой вопрос, уже как бы подводящий к единственно разумному ответу, можно дать контраргумент: реформируемость всякий раз оказывалась катастрофичной именно потому, что она запаздывала, что власть постоянно пыталась лечить терапией то, что уже во многом поздно было исправлять даже хирургическим вмешательством. Однако и на приведенное суждение можно возразить – если реформирование опаздывало, то не по злой воле властей предержавших, а просто в силу того, что власть оказывалась вынужденной действовать в условиях совершенно иной повестки дня, в которой не было места реформированию... Вот так и приходится ходить по кругу допущений и предположений.

«Столытинский» вагон

Да, конечно, умные реформы упреждают возникновение катастрофических ситуаций, они же представляют лучший способ остановки революции, перевода ее энергии в мирное русло без соскакивания в радикализм. Никто с этим не спорит. Но были ли в истории России вообще прецеденты таких реформ? Ведь даже такие, по утвердившемуся в настоящее время среди историков и экспертов мнению, «эталонные» «умные реформы», как преобразования Столыпина и Горбачева, были при ближайшем рассмотрении не такими уж и умными, превентивными, стратегически взвешенными. Если бы они были такими, то не привели бы к катастрофам 1917-го и 1991-го.

Новое мышление. Худ. И.А. Вольнова, 1990 г.

Кстати, сейчас большинство историков признают, что связь между революцией и реформой намного сложнее, чем считалось раньше. Реформы могут предотвращать революцию. Однако в определенных случаях они, напротив, способны провоцировать ее. Революцию может вызвать не только запоздалость реформ. Половинчатость и неполнота реформ – существенный катализатор именно катастрофических революционных перемен. Чтобы избежать такого варианта развития событий, нужно не бояться вовремя признавать и исправлять ошибки, а также брать ответственность на себя, вплоть до добровольной отставки. А если твердить, что виноваты исполнители, руководители на местах, «перегибщики», плохие министры или виноват народ – не так понял, не дорос (хотя подчас и впрямь не так понял и не дорос!), то тогда вина неизбежно сконцентрируется на носителе верховной власти.

Революцию упреждают не только власть и ее верховный носитель, но и гражданское общество, которое не конкурент власти, а партнер, в равной степени несущий ответственность за попадание в критические или катастрофические ситуации. Именно структуры гражданского общества способны оказывать давление на власть, на своевременное обновление политической элиты, они создают систему обновления, контролируют ее функционирование. Но при этом общество должно понимать конечные цели реформ и выгоды, которые будут получены с их завершением. Нельзя авторитарно обеспечить обновление. Все это, бесспорно, так. Но почему же тогда

наше гражданское общество (или, точнее, его островки) вот уже на протяжении как минимум двух с половиной веков позиционируют себя оппонентами не только власти, но и государственности как таковой?

В цивилизованном мире давно сложилась практика купирования назревающих революций. Эта практика известна под названием демократии участия. Граждане самым активным образом привлекаются к решению затрагивающих их интересы вопросов (117). Чтобы власть и общество слышали друг друга, необходима постоянная работа системы «локации», отбора, систематизации, перепроверки информационных сигналов, качественная экспертиза законов, местное самоуправление, кадровые ротации. Власть должна понять, что все это нужно ей самой, что в этом нет для нее никакой угрозы, что паритетное соучастие во власти как бы само собой подразумевает и эквивалентное разделение ответственности, а также уменьшает риск совершить ошибку (118).

Не менее важно знать историю, культуру, понимать национальное своеобразие, самобытность страны. Универсальные экономические и политические рецепты не всегда срабатывают, как хотелось бы, а иногда и сами способны привести к катастрофическим последствиям. Примечательно в этом отношении признание западного эксперта Джеффри Сакса: мы положили больного (то есть Россию) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия. Настало, наконец, время четко осознать одно из, наверное, самых устойчивых заблуждений минувшего «чрезвычайного» века о том,

что эффективный реформизм возможен лишь на фундаменте либеральных ценностей. И дело здесь даже не только в том, что иные псевдолибералы – типа политиков начала 90-х – попросту дискредитировали саму идею свободы в ее европейском модернистском прочтении. Такая идея – даже в чистом и не запятнанном конъюнктурными интерполяциями виде – оказалась своеобразным прокрустовым ложем для нашего традиционного политического этоса. В итоге оказались неуслышанными и проигнорированными голоса целой плеяды ярких и оригинальных консервативных реформаторов. Возможно, выход из данного реформаторского тупика может быть найден в переводе акцента с собственной идейной составляющей реформаторства на его технологическую, прикладную сторону, когда эффективность станет главным критерием оценки всего процесса преобразования.

Впрочем, самобытность еще не повод для разделения революций на «хорошие» (к примеру, английская середины XVII века, американская 70–80-х годов XVIII века) и «плохие» (французская, русская). Американские историки показали, что не были холодными головы колонистов, не обошлось без насилия при освобождении от британской зависимости, не были осчастливлены индейцы и негры.

Призрак революции способна успокоить историческая политика, спокойное объяснение того, что люди, ощутившие и пережившие революцию на себе, понимают, что больше не хотят жить в эпоху радикалистских перемен и платить за них непомерную

**МЫ НА ГОРЕ ВСЕМ БУРЖУАМ
МИРОВОЙ ПОЖАР РАЗДУЕМ!...**

Плакат неизвестного художника. Петроград, 1918 год

цену, они не хотят становиться жертвами утопических представлений той или иной политической силы. Тем более что эти силы, «пожирая» друг друга, цинично используя имя революции в борьбе за власть и собственность, для необъяснимых скачков и забеганий, фактически и не замечают, как начинают забывать о первопричинах революционных потрясений, как переходят к забалтыванию истинных принципов избавления от гнета и тирании, к предательству идей свободы.

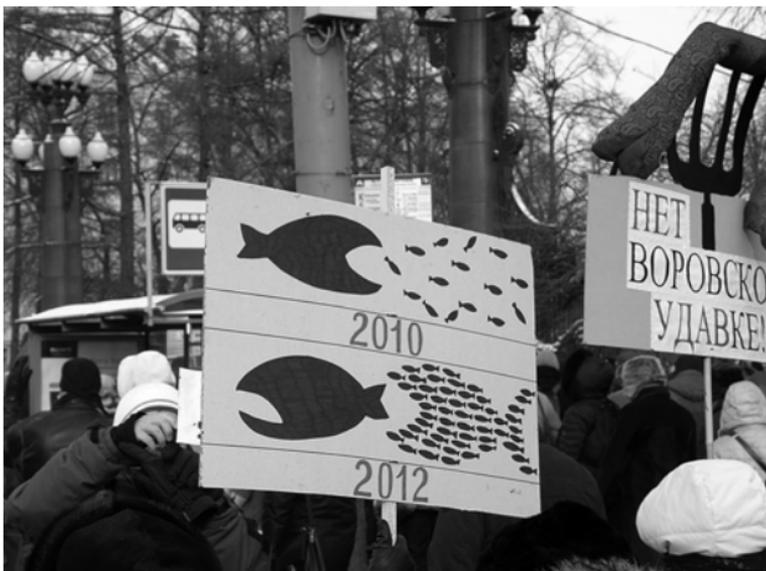
Водоворот революций-катастроф поглощает миллионы людей. Кто помнит о них? «Бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская вспоминала:

«Боже мой! На скольких людей, больших и малых, насмотрелась я, сидя гостьей в Зимнем дворце. Не было среди них людей, горящих любовью к Родине... Это был психоз сил и страстей, поддерживаемых клеветой, ежедневным обманом и, наконец, водкой. Временно Россия стала больной, неизлечимой. Старые грехи отозвались грехами и корыстью снизу» (119).

Заключение

Декабрь 2011 – февраль 2012 г. представили совершенно иную модель протестного движения в России, непохожего на преддверие классических революций 1905 и 1917 гг., событий 1991–1993 гг., «цветных революций» XXI в., включая «оранжевую». Конечно, легче всего при подведении итогов следовать раскладу, напоминающему потрясения минувшего века. Есть консерваторы-«охранители», не желающие ничего менять, есть левые радикалы и экстремисты, готовые «поднять революционный топор», есть либералы и демократы, борющиеся за реформы. Именно они, как и в прошлом веке, вызывают озлобление «охранителей» и ненависть экстремистов, готовых «перевернуть» Россию. Правда, этих революционеров в массовых чистках и «Большом терроре» потом и «сожрала» революция. Поэтому хорошо бы и сегодня не забывать из истории: когда рушилась монархия, её никто не защитил; когда свергали демократию при Временном правительстве, защитников практически не оказалось; когда разваливался большевизм, наследниками которого объявили себя коммунисты, ему также никто не протянул руку (120).

Тем не менее, похоже, мы действительно имеем дело с необычными сценариями, у которых нет очевидных автора и режиссера, главные роли переменчивы, а успех постановки зависит от наполняемости,

Митинг-шествие 4 февраля 2012 г. Москва

состава и настроения зала. Нет привычных революционных партий, никто не желает баррикад и столкновений, по-другому решается проблема лидерства. У всех перед глазами удивительная атмосфера, полноводье самодеятельного творчества на митингах – главным оружием стали не агрессия, а ирония и юмор, нетривиальные плакаты, стиль одежды, знаки, речовки.

Однако никуда не исчезли так называемые загадки революций – фактор неожиданности и непредсказуемости, момент соскальзывания в радикалистскую фазу, скорость падения режимов. Напоминает о себе

знакомое старое – искусственное разжигание нетерпимости, нежелание или натужность диалога между властью и оппозицией, непресечение тревожных слухов, топорные санкции против неугодных СМИ, спланированные провокации, нарастание нетерпения. В этой ситуации крайне сложно сохранять гражданский мир, а тем более расширять пространство для политической конкуренции. Еще сложнее – не упускать из внимания маневры крайних флангов в разрешении тупиковой экономической и политической ситуации, то есть апологетов идей нового приступа приватизации или полной национализации, силового переворота для сохранения режима или радикалистского разрушения государственности.

Начало XXI века показало, что несмотря на утверждения об античеловечности и затратности революций, о том, что они – удел отсталых режимов, наследие революций по-прежнему в ткани современности. Да, в отличие от советского времени революция перестала быть непогрешимой, для кого-то её облик стерт, но он не исчез, не перестал быть самоценным, независимо от субъективных намерений тех, которые желают контролировать прошлое, а значит, и настоящее.

Спокойно отнесемся к старо-новым мифам о революции-празднике, которые для очень многих людей выполняют функции поддержки, ориентации и защиты, особенно в условиях кризисов. Критика таких мифов (а они базируются не на рациональных доказательствах, а на вере и убеждении) воспринимается как личная трагедия, как утрата идеалов и смысла.

С пониманием воспримем и то, что у революции всегда будут сторонники, которые продолжают видеть в ней воплощение таких идеалов, как свобода, равенство и братство людей и наций, и противники, которые не забудут радикалистские «заносы» и полосы «чрезвычайщины».

Учтём, наконец, и очевидную данность настоящего времени – революции или подобные им «цветные» способы квазилегитимных политических трансформаций стали нормальной повседневностью властных технологий XXI века, который уже обещает быть, по крайней мере, ничуть не менее жестоким и бесчеловечным, чем век минувший...

И всё-таки свою скромную памятку для ревнителей революций хочется закончить на более оптимистичной ноте – хрестоматийным, но по-прежнему «трудным» вопросом великого гуманиста Жана Жореса:

«Революция – варварская форма прогресса. Будет ли нам дано увидеть день, когда форма человеческого прогресса действительно будет человеческой?».

Примечания

1. *Фюре Франсуа*. Прошлое одной иллюзии. – М., 1995. С. 85.
2. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // *Вехи. Из глубины*. – М., 1991. С. 212–213.
3. См. подробнее: *Андреев Дмитрий, Бордюгов Геннадий*. Пространство власти при Владимире Путине // *Владимир Путин. Рано подводить итоги*. – М., 2007. С. 208–226.
4. Российская газета. 2007, 27 февраля.
5. *Сурков Владислав*. Выступление на круглом столе «Февральская революция: история и современность» в РГГУ // *Время новостей*. 2007, 23 марта.
6. См. подробнее: *Бордюгов Геннадий*. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010.
7. Судя по опросу, проведенному фондом «Общественное мнение» (формально – исключительно о Феврале 1917-го), в обществе возникло довольно неожиданное смешение взглядов на обе революции (см.: http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominant2007/dom0708/domt0708_7/d070825; опрос проведен 22 февраля 2007). Говоря об одной из них, подразумевают другую, и наоборот. «Свержение монархии»,

«Временное правительство», «Керенский», «Ленин пришел к власти», «взятие Зимнего дворца», «власть Советов». Что кроется за этим? Странные aberrации памяти, слабости исторического образования или что-то другое?

8. См.: Комсомольская правда. 1991, 3 сентября.
9. *Милуков П.* Россия на переломе: большевистский период русской революции. Том 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. – Париж, 1927.
10. В частности, Джек Голдстоун предложил иметь в виду пять ключевых условий возникновения революции, одновременное соединение которых в той или иной комбинации приводит к революциям: «1) кризис государственной власти, при котором государство воспринимается элитами и массами как неэффективное и несправедливое; 2) кризис во взаимоотношениях между элитами, приводящий сначала к их отчуждению, потом разделению и, наконец, к резкой поляризации на отдельные фракции, каждая из которых имеет противоположное представление о путях дальнейших преобразований; 3) кризис народного благосостояния, при котором городские и/или сельские слои с трудом поддерживают свои обычные стандарты жизненного существования с помощью привычных средств; 4) возникновение коалиции части элит и народных масс в их атаке на государственную власть; 5) существование той или иной оппозиционной идеологии, которая соединяет элиты и массы в их борьбе с властью, оправдывает эту борьбу и предлагает альтернативное видение будущего

- порядка». При отсутствии хотя бы одного из них социополитический конфликт нельзя квалифицировать как революцию: это может быть гражданская война, мятеж, восстание, бунт, переворот, но не революция. См.: *Голдстоун Джек*. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. № 5. С. 61.
11. См.: *Мультатули Петр*. «Помогите Мне, русские люди...». Царь и народ против революции // Православный апологет/apologet. spb.ru/index.php?option=co
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914). – М., 1992; *Гейфман Анна*. Революционный террор в России. 1884–1917. – М., 1997 и др.
 15. *Степун Федор*. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000. С. 324.
 16. *Сорокин Питирим*. Долгий путь. – Сыктывкар, 1991. С. 87.
 17. Цит. по: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. С. 376.
 18. Там же.
 19. Цит. по: Диалог. 1991. № 5. С. 86.
 20. См.: Версты. № 3. Под ред. кн. Д.Н. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского, С.Я. Эфрона. – Париж, 1928. С. 58.

21. *Столыпин П.А.* Речь о прерогативах правительства в деле организации вооруженных сил, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1910 года в ответ на заявление тридцати двух членов Государственной думы // *Последний витязь. Памяти П.А. Столыпина.* – Саратов, 1997. С. 26.
22. См.: *Шубин Александр.* Первая русская революция в системе исторических координат // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 6 (44).
23. *Озуф Мона.* Революционный праздник: 1789–1799 / Пер. с фр. У.Э. Ляминой. — М., 2003. С. 7–23).
24. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 270, 274.
25. *Блок Александр.* Интеллигенция и революция // Блок А. Собр. Соч. в 8-ми томах. Т. 6. С. 10.
26. *Бердяев Николай.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. С. 95.
27. Т.Р. Гарр определяет революцию как фундаментальное социополитическое изменение, осуществляемое путем насилия, рассматривает насилие как нейтральную, лишённую оценочного характера категорию. Природа этого насилия раскрывается в бихевиористской традиции в виде цепочки «фрустрация–гнев–агрессия». Вывод данной теории состоит в утверждении о мотивационном базисе революционного поведения – чем больше интенсивность лишений, тем больше значение насилия. – См.: *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб., 2005.
28. Цит. по: *Бонч-Бруевич В.Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. – М., 1931. С. 191–192.

29. Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля.
30. Диалог. 1991. № 5. С. 87.
31. Правда. 1918. 1 сентября.
32. См. подробнее: *Бордюгов Геннадий, Козлов Владимир*. От «чрезвычайщины» к «тоталитаризму» // Диалог. 1991. № 5. С. 86.
33. Письмо П.Г. Шевцова В.И. Ленину 19 ноября 1918 г. – РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1481. Л. 6–7.
34. Цит. по: *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. – М., 1993. С. 51.
35. См.: Правительственный вестник (Омск). 1919, 14 марта, 8 и 17 мая. – РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 665. Л. 5–7.
36. *Виллиам Г.* Распад «добровольцев». – М., 1923. С. 69–70.
37. Диалог. 1991. № 5. С. 85.
38. Цит. по: *Якушкин Е.* Колчаковщина и интервенция в Сибири. – М.–Л., 1928. С. 17.
39. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. – Белград, 1930. Т. 2. Ч. 3. С. 65.
40. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1967. Л. 5, 14–15, 31–32; Д. 2009. Л. 5, 20–22, 29, 32; Д. 878. Л. 152–176; Д. 78. Л. 100.
41. Цит. по: *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 202.
42. *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля: заметки бывшего военного прокурора. – Л., 1925. С. 97.

43. *Врангель П.Н.* Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 гг.). Т. 1. – М., 1991. С. 228.
44. *Некрич А., Геллер М.* Утопия у власти. – London, 1986. С. 221.
45. Результаты репрессий на 31 декабря 1937 года выглядели так: 555 641 арестованный и 553 362 осужденных. Из них 239 252 приговорены к смертной казни (бывшие кулаки – 105 124, уголовники – 36 063, «остальные контрреволюционные элементы» – 78 237, без указания группы – 19 828), 314 110 – к заключению в лагерь или тюрьму (бывшие кулаки – 138 588, уголовники – 75 950, «остальные контрреволюционные элементы» – 83 591, без указания группы – 16 001). 14 600 заключенных лагерей приговорили к расстрелу. Подробнее см.: *Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф.* Вертикаль «Большого террора». История операции по приказу НКВД №00447. – М., 2008.
46. *Попов Г.* Август девяносто первого // Известия. 1992. 21 августа.
47. *Ципко А.С.* Реставрация или полная и окончательная советизация // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? Прерывность и непрерывность в отечественной истории XX века. – М., 1993. С. 99.
48. Цит. по: *Гессен В.А.* Учебник административного права. – М., 1916. С. 116.
49. Интервью А.В. Колчака газете «Приамурье» (28 ноября 1918 г.) – РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 665. Л. 2.

50. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1253. Л. 5–6.
51. См.: Диалог. 1991. № 5. С. 86.
52. Там же.
53. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 228. Л. 13–13 об.
54. *Аскольдов С.А.* Указ. соч. С. 216.
55. См.: *Марков Сергей.* «Оранжевая» революция – пример революции глобального сообщества XXI века, революции неправительственных организаций // «Оранжевая» революция: версии, хроника, документы. Сост. Михаил Погребинский. – Киев, 2005. С. 67–69; *Шевцова Лилия.* Украина: испытание «оранжевой» революцией // Там же. С. 213.
56. Анализируя опыт Украины, А. Головков писал: «При должной постановке дела ограбленные массы идут за своим ограбителем против других ограбителей, ничуть не более виновных в бедствиях народа. Масс-психологические особенности организованной толпы позволяют ситуативно объединять усилия самых разномастных деятелей, невостребованных официальной политической средой. Так произошло в Грузии, где под карточными крестовыми знаменами Саакашвили соединились правые и левые, демократы и “авторитеты”. Соединились, чтобы разойтись сразу же после “пира победителей”. Так происходит и на Украине, где в нынешней тусовке Ющенко сошлись элементы, идейно несовместимые в обычных условиях: рафинированные киевские интеллигенты и шпана из винницких и уманских подворотен, идейные последователи украинского “Яб-

лука” и откровенные нацисты из УНА-УНСО, политические выдвигенцы киевских олигархов и как бы левые социалисты из партии Мороза. По российским меркам, это как будто смесь из явлинцев и баркашовцев с жириновцами в одном флаконе». – *Головков А.* На пороге заказных переворотов // Политический журнал. 2004. № 47. С. 7.

57. См.: *Кара-Мурза С.Г.* Революция на экспорт. – М., 2006. Глава 14.
58. См.: *Шайхутдинов Рифат.* Охота на власть. – М., 2005. С. 125.
59. *Богданов В.* Апофеоз независимости // Политический журнал. 2004. № 48. С. 5.
60. Интервью В. Суркова // Комсомольская правда. 2004. 29 сентября.
61. Подробнее см.: *Андреев Дмитрий, Бордюгов Геннадий.* Преодоление заклатья «недовыбора» // Московские новости. 2007. 21 и 28 сентября.
62. См.: *Михайлов Алексей.* Путинская национализация России // www.gazeta.ru/column/mikhailov/3963429.shtml
63. *Бурдые Пьер.* Политический монополизм и символические революции // *Бурдые П.* Социология политики. – М., 1993.
64. *Пастухов Владимир.* Гламурная революция // <http://polit.ru/article/2011/12/15/rev/> (15.12. 2011).
65. *Дмитриева Оксана.* Что делать в условиях «одуванчиковой революции»? Суды + митинги = результат // www.goslyudi.ru/blog/odmitrieva/98182/ (23.12.2011).

66. *Бовдунов Александр*. Серая революция // Rossia3.ru/politics/russia/ser_revol (13.12.2011).
67. Там же.
68. *Охотин Григорий*. Революция горизонтали // <http://polit.ru/article/2011/12/14/community/> (14.12.2011). Автор отсылает читателей к книге Фрэнсиса Фукуямы «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» (М., 2004).
69. *Ермолин Анатолий*. О неизбежности «креативной революции» в России. Декабрьские тезисы партии «бандерлогов» // *The New Times* (Новое время). 2011. № 43 от 19 декабря. С. 5.
70. *Чернышов Юрий*. Как избежать революции // www.iarex.ru/articles/22195.html (16.12.2011).
71. См.: Болотная и Сахарова: портрет протеста. Анализ профилей 20.000 участников митинга // newtimes.ru/articles/detail/48631/
72. *Колесников Андрей*. Человек бунтующий // *Новая газета*. 2011. 28 декабря.
73. *Сахнин Алексей*. Три программы движения декабристов // grani.ru/blogs/free/entries/194637.html (04.01.2012).
74. Там же.
75. *Пономарев Илья*. Итоги митинга на проспекте Сахарова. Мой взгляд // ilya-ponomarev.livejournal.com/452424.html (24.12.2011).
76. *Мионов Иван*. Преданная революция // x-torrents.org/forum/showthread.php?tid=57518 (13.12.2011).

77. *Белковский С.* Интервью Радио «Эхо Москвы» // <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/843662-echo/> (29.12.2011).
78. *Мельгунов С.* Как большевики захватили власть. – Париж, 1953. С. 269.
79. Цит. по: *Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. – М., 1999. С. 162.
80. См.: *Энкер Б.* Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5. С. 193–194.
81. См.: *О'Коннор Т.* Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. – М., 1993. С. 116.
82. *Троцкий Лев.* Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? // <http://www.kodges.ru/library/author/646/book/2642.htm>
83. Там же.
84. Там же.
85. *Арабов Юрий.* Монолог пингвина // Новая газета. 2012.18 января.
86. *Афанасьев Ю.* Интервью Радио «Эхо Москвы» // <http://www.echo.msk.ru/programs/year2012/845671-echo/> (06.01.2012).
87. *Алексеева Людмила.* В России закончился сезон дождей // Московский комсомолец. 2012. 25 января.
88. *Ермолин Анатолий.* Указ. соч. // The New Times (Новое время). 2011. № 43 от 19 декабря. С. 5.

89. *Быков Дмитрий*. Герой няшнего времени // Новая газета. 2012. 18 января.
90. *Митрофанов Сергей*. Февральская революция. «Путин, уходи!», а он не уходит // <http://polit.ru/article/2012/02/06/sm060212/> (06.02.2012).
91. *Подрабинек Александр*. Итоги года. Новый век начался в 2011-м // <http://ej.ru/?a=note&id=11669> (10.01.2012).
92. *Клямкин Игорь, Краснов Михаил, Шевцова Лилия*. В Конституции не должно быть место для вождя // Новая газета. 2012. 9 января.
93. См. об этом подробнее: *Колесников Андрей*. Классная ненависть // Новая газета. 2012. 6 февраля.
94. *Зорькин Валерий*. Дух закона // Российская газета. 2011. 12 декабря.
95. См.: *Ростовский Михаил*. Судья Зорькин как буре-вестник, или предчувствие «классовой войны» // Московский комсомолец. 2012. 27 января.
96. <http://www.echo.msk.ru/blog/rabikon/861482-echo/>
97. См.: *Кара-Мурза Сергей*. Указ. соч. Глава 26.
98. *Рац Марк, Котельников Сергей*. Политическая модернизация. Улица, культурно-историческая практика и теория // <http://polit.ru/article/2012/01/06/modernization/> (06.01.2012).
99. См. подробнее: *Злобин Николай*. Бессистемная власть // Ведомости. 2012. 30 января.
100. *Рогов Кирилл*. Спрос в стране на институты гораздо выше, чем на партии // Новая газета. 2012, 6 февраля.

101. *Рогов Кирилл*. Спрос в стране на институты гораздо выше, чем на партии // Новая газета. 2012, 6 февраля.
102. В статье, написанной в марте 2011 г., Григорий Явлинский писал: «Учредительное собрание может стать фундаментальным событием в построении современного российского государства. Именно Учредительное собрание (в частности, в форме Конституционного собрания, как это предусмотрено в действующей Конституции) способно восстановить подлинную российскую государственность. Задача в том, чтобы каждый гражданин (за исключением законченных маргиналов) чувствовал себя причастным к этой работе либо непосредственно, либо через своих представителей – не придуманных, как те, кто сейчас заседает в Думе и Общественной палате, а реальных и легитимных». – См.: *Явлинский Григорий*. Ложь и легитимность // Новая газета. 2012. 15 февраля.
103. *Клямкин Игорь, Краснов Михаил, Шевцова Лилия*. В Конституции не должно быть место для вождя // Новая газета. 2012. 9 января.
104. Там же.
105. *Пастухов Владимир*. Дорожная карта заблудившейся революции // Новая газета. 2012. 11 января.
106. Там же.
107. *Пастухов Владимир*. Конституционная реформа: поэзия принципов... // Новая газета. 2012. 8 февраля.
108. *Митрофанов Сергей*. Февральская революция. «Путин, уходи!», а он не уходит // <http://polit.ru/article/2012/02/06/sm060212/> (06.02.2012).

109. *Подрабинек Александр*. Цель и частности // <http://grani.ru/opinion/podrabinek/m.194856.html>
110. Там же.
111. *Берг Михаил*. Революция номер два // (17.01.2012).
112. *Охотин Григорий*. Революция горизонтали. Наброски будущего // <http://polit.ru/article/2011/12/14/community/> (14.12.2011).
113. *Гозман Леонид*. О чем с такой властью можно разговаривать // Новая газета. 2012, 20 января.
114. *Ихлов Евгений*. Верить в справедливость добра // <http://grani.ru/opinion/m.195821.html> (21.02.2012)
115. *Буковский Владимир*. «Круглый стол» или скамья подсудимых? // <http://echo.msk.ru/blog/bukovski/849338-echo/> (16.01.2012).
116. См.: *Философия истории*. – М., 1999. С. 132.
117. См.: *Рац Марк, Котельников Сергей*. Указ. соч.
118. См. также положения, позволяющие избежать революции, которые сформулировал Б. Миронов. – *Миронов Борис*. Уроки революции 1917 года, или кому на Руси жить плохо // Родина. 2012. № 2. С. 18–19.
119. *Брешко-Брешковская Е.* 1917 // Новый журнал. 1954. Кн. 38. С. 202–203.
120. *Иоффе Г.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – М., 1995. С. 237.

Литература

- Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994.
- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв. – М.–СПб., 2004.
- Хана Арендт.* О революции. М., 2011.
- Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. – М., 1992.
- Г.А. Бордюгов.* Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. – СПб., 2004.
- Геннадий Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М., 2010.
- Владимир Булдаков.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.
- Р.Ш. Ганелин.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы или революция. – Л., 1991.
- Р.Ш. Ганелин.* Власть и реформы. От самодержавной к советской России. – СПб., 1996.
- Г.З. Иоффе.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – М., 1995.
- Томас Карлейль.* Французская революция. История. – М., 1991.
- Стивен Коэн.* Можно ли было реформировать советскую систему? – М., 2005.

Б.Н. Миронов. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М., 2010.

О причинах русской революции. – М., 2010.

Первая революция в России. Взгляд через столетие. – М., 2005.

Татьяна Соловей, Валерий Соловей. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. – М., 2011.

И.В. Стародубровская, В.А. Мау. Великие революции от Кромвеля до Путина. – М., 2001.

1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997.

1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998.

Франсуа Фюре. Прошлое одной иллюзии. – М., 1998.

Т. Шанин. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. – М., 1997.

П. Штомпка. Социология. Анализ современного общества. – М., 2005.

Указатель имен

А

- Алексеев М. – 16, 162
Алексеева Л. – 117, 162
Андреев Д.А. – 11, 153, 160
Андропов Ю.В. – 113
Арабов Ю. – 162
Аскольдов С. – 11, 89, 153, 159
Афанасьев Ю. – 117, 162

Б

- Белковский С. – 162
Берг М. – 165
Бердяев Н. – 39, 48, 156
Берия Л.П. – 81
Биннер Р. – 158
Блок А. – 48, 156
Бовдунов А. – 161
Богданов А. – 114
Богданов В. – 160
Бонч-Бруевич В.Д. – 156
Брежнев Л.И. – 113
Брешко-Брешковская Е. – 148, 165
Буковский В. – 165
Бурдые П. – 102, 160
Бухарин Н.И. – 36, 74
Быков Д. – 119, 163

В

- Веверн Б. – 62
Виллиам Г. – 61, 157

- Витте С. – 43
Вольтер У. – 66
Врангель П.Н. – 62, 63, 157, 158
Высоцкий В.С. – 9

Г

- Гарр Т.Р. – 156
Гейфман А. – 155
Геллер М. – 158
Гессен В.А. – 158
Говард Р. – 116
Гозман Л. – 165
Голдстоун Дж. – 154, 155
Головков А. – 159, 160
Горбачев М.С. – 24, 113, 142
Гурко В. – 16

Д

- Деникин А.И. – 61, 62
Дзержинский Ф.Э. – 54, 77, 86
Дмитриева О. – 160

Е

- Ельцин Б.Н. – 24, 39, 71, 92, 113, 117
Ермолин А. – 161, 162

Ж-З

- Жорес Ж. – 152
Злобин Н. – 163
Зорькин В. – 163

И

Иоффе Г.З. – 157, 165
Ихлов Е. – 165

К

Калинин И.М. – 63, 157
Кара-Мурза С.Г. – 160, 163
Касаев А.Ч. – 11
Касьянов М. – 110
Керенский А.Ф. – 113, 154, 165
Клямкин И. – 129, 163, 164
Козлов В. – 157
Колесников А. – 161, 163
Колчак А.В. – 60–62, 74, 157, 158
Котеленец Е. – 11, 162
Котельников С. – 163, 165
Красин Л.Б. – 114, 162
Краснов М. – 129, 163, 164
Кропоткин П.А. – 85
Кучма Л.Д. – 91, 92

Л

Ленин В.И. – 18, 20, 26, 39, 41, 46, 48, 54, 57, 59, 77, 79, 84, 85, 112–114, 154, 156, 157, 162, 165
Лямина У.Э. – 156

М

Марков С. – 159
Мартов Ю.О. – 114
Медведев Д.А. – 113
Мельгунов С.П. – 157, 162
Милюков П. – 26, 41, 154

Миронов Б. – 165
Миронов И. – 161
Митрофанов С. – 163, 164
Михайлов А. – 160
Молотов В.М. – 80
Монтескье Ш.Л. – 9
Мультатули П. – 155

Н

Навальный А. – 134
Некрич А. – 158
Немцов Б. – 110
Николай II – 22, 29, 31

О

О'Коннор Т. – 162
Озуф М. – 156
Осинский Н. – 57, 84
Охотин Г. – 161, 165

П

Пастухов В. – 133, 160, 164
Плеханов Г.В. – 114
Погребинский М. – 159
Подрабинек А. – 163, 165
Пономарев И. – 161
Попов Г.Х. – 68, 158
Потресов А. – 114
Путин В.В. – 13, 92, 113, 153, 163, 164
Пушкин А.С. – 93

Р

Рац М. – 163, 165
Риттих А. – 45
Рогов К. – 163, 164
Ростовский М. – 163

Рыжков В. – 110

Рыков А.И. – 36

С

Саакашвили М. – 159

Сакс Дж. – 145

Сахнин А. – 161

Святополк-Мирский Д.Н. –
155

Сен-Жюст Л.А. – 141

Скоропадский П.П. – 59

Солженицын А.И. – 15

Солженицына Н. – 15

Сорокин П. – 33, 155

Сталин И.В. – 20, 39, 41, 79,
80, 83, 112, 115, 116, 153

Степанов С.А. – 155

Степун Ф. – 155

Столыпин П.А. – 43, 44, 142,
156

Струве П.Б. – 41

Сувчинский П.П. – 155

Сурков В. – 153, 160

Т

Токвиль А. де – 140

Толстой Л.Н. – 27

Троцкий Л.Д. – 18, 36, 39, 88,
114, 162

Ф

Фукуяма Ф. – 161

Фюре Ф. – 9, 153

Х

Ходорковский М.Б. – 13

Хрушев Н.С. – 113

Ц

Ципко А.С. – 158

Цой В. – 9

Ч

Чернышов Ю. – 161

Ш

Шайхутдинов Р. – 160

Шеварднадзе Э.А. – 92

Шевцов П.Г. – 157

Шевцова Л. – 129, 159, 163,
164

Штомпка П. – 155

Шубин А. – 156

Щ

Щербина С.П. – 11

Э

Энгельс Ф. – 36

Энкер Б. – 162

Эфрон С.Я. – 155

Ю

Юденич Н.Н. – 61

Юнге М. – 158

Ющенко В. – 93, 159

Я

Явлинский Г.А. – 164

Ядов В.А. – 155

Якушкин Е. – 157

Янукович В. – 93

Издания АИРО в 2009–2011 гг.

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроенного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томилин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черногоземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиц.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).

- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lessons / G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.
Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО–XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы;

- под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010.– 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО–XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 256 с.
- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского.
- А.В. Венков.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО–XXI. 2010 г. – 884 с.
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. [Текст] / Н.В. Кравчук. – М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).

- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI. 2010 – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI. 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоглавой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Б. Веселовский.* Семейная хроника. Три поколения русской жизни / Подготовка текстов, составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI. 2010. – 480 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куреньшев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.

- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Коэн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI. 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.
- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2011 – 280 с.
- А.Д. Цыганок.* Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

Научное издание

Серия «Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

Геннадий Аркадьевич БОРДЮГОВ

**ОЖИДАЕМАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
не придет никогда.**

Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года
на фоне гражданского противостояния XX века

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

ISBN 591022180-9

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 04.02.2012
Формат 70×100 1/32. Бумага офс.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 11,0